

Господин Доминик

РОМАН ЯЦЕНКО

Роман Яценко
Господин Доминик

«Автор»

2023

Яценко Р. А.

Господин Доминик / Р. А. Яценко — «Автор», 2023

ISBN 978-5-532-91187-1

Франция 1189-й год. Канун Третьего крестового похода. Земли Пуату под властью английской короны. На пути в Марсель рыцарь испанского ордена Калатравы Гаспар Грекко и его сын Доминик заезжают в Анжу навестить богатого феодала барона Бернара де Диона. Объявлен турнир в честь дня Пятидесятницы. Двойное убийство заставляет отца и сына Грекко отложить планы примкнуть к ополчению Ричарда Львиное Сердце. Они берутся за расследование преступлений. Дальнейшие события откроют страшные тайны прошлого их семьи. Противостояние добра злу. Вероломство, жестокость, безграничная власть денег - с одной стороны. Любовь, отвага и самопожертвование – с другой. Алчные “защитники веры” против благородных рыцарей. Прошлое вернется, чтобы сокрушать!

ISBN 978-5-532-91187-1

© Яценко Р. А., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Пролог	5
Глава I. Всадник на дороге в Пуату	6
Глава II. “Я приехал только за тобой...”	10
Глава III. Братья по оружию	14
Глава IV. На северной дороге в Анжуйское графство	16
Глава V. Замок	20
Глава VI. Призраки древних воинов	23
Глава VII. Кристиан и Валери	28
Глава VIII. Турнир	32
Глава IX. “...Храни тебя святой покровитель”	36
Глава X. Вероломство	39
Глава XI. Кто и зачем?	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Роман Яценко

Господин Доминик

Пролог

Иерусалим пал.

3-го июля 1187-го года палящее солнце стояло над Палестиной. Двадцатитысячное войско рыцарей крестоносцев растянулось на много миль. Нестерпимый зной делал свое дело, изнуряя людей, обжигая тела, отбирая силы, и до наступления заката караван Иерусалимского королевства так и не смог завершить переход к Тивериадскому озеру. Там плескалась вода, веяло ветром. Когда-то на его берегах собирались толпы паломников, чтобы услышать проповедь Спасителя. Крестоносцы помнили об этом, чтили это и с одержимостью обреченных, из последних сил медленно продвигались к заветной цели. Но тщетно, в тот день все они остались без воды.

Саладин нанес удар 4-го июля. Дневной свет померк у подножия горы Рога Хаттина, и не было жалости у воинов, и смерть пришла на поле битвы, заслонив солнце черным плащом. Семнадцать тысяч человек остались лежать убитыми. Крестоносцы были сокрушены.

Но кроме жертв людских пострадали католические святыни, что стало не менее страшным горем, чем семнадцать тысяч мучеников. Король Иерусалимского королевства утратил в походе одну из главных христианских реликвий – Животворящий крест господень и, хотя крест сей был лишь частью орудия Страстей Христовых, боль от осознания потери была неизмерима.

Эта трагическая история вскоре достигла берегов Англии. Будущий король Ричард из династии Плантагенетов, сын здравствующего короля Генриха II, был потрясен известиями из Иерусалима. С этого дня все его мысли захватил план третьего крестового похода. Одержимый единой целью, Ричард принял крест. По всем церквям Франции и Англии объявили о сборе “саладиновой десятины”.

То, что еще вчера так заботило Ричарда – распри с баронами, сложные отношения с отцом и братьями, война с французским королем, – в одночасье стало неважным. Только грядущий поход в Палестину его несокрушимой армии волновал сердце и разум, той армии, достойной вернуть Святую землю христианскому миру!

Глава I. Всадник на дороге в Пуату

2-го июня 1189 года по дороге из графства Турень в Пуату скакал всадник. Нельзя сказать, чтобы он сильно спешил, скорее, двигался походным маршем. Так путешествует человек, поставив себе важную цель или получив приказ: не теряя понапрасну времени, но, при этом, не изнуряя лошадь и себя самого. До конечного пункта было не близко: предстояло пересечь графство, ибо он направлялся в город Ньор. Дороги можно было назвать дорогами только вблизи городов, а за их пределами, вдали от крестьянских поселений всаднику доводилось преодолевать необъятные взору пустоши, пробираться через кустарники и леса. Но он радовался каждой знакомой тропинке и знал эти места как свои пять пальцев. То переходя в галоп на открытой дороге, то пробираясь пешком через лес, ведя лошадь за собой, он определял верное направление даже в сумерках. Опыт и знание местности позволяли путешественнику обходить, как говорят в народе, седьмой дорогой гибельные болота и труднодоступные места. Этот рыцарь (а он был рыцарем) провел в седле уже несколько дней; путь его лежал из аббатства Моримон в Бургундии.

Вооружение у всадника было легкое, собственно никаких доспехов на нем и не было, если не считать короткую кольчугу с рукавами и простой без забрала шлем. Узкая металлическая пластина на шлеме закрывала нос, а все его загорелое лицо с черной бородой оставалось открытым. Поверх кольчуги на рыцаре был надет плащ черного цвета и такого же цвета накидка с разрезами вместо рукавов. Красные кресты на плаще и накидке были вышиты в форме лилий, что выдавало в их обладателе рыцаря цистерцианского ордена Калатравы.

Имя нашему герою – Гаспар Грекко. Он испанец и ему сорок пять лет. В этой истории мы будем называть его просто Гаспар. Ростом рыцарь выше среднего. Черные волосы стрижены коротко, полностью открывая лоб. Такого же цвета брови, широкие и изогнутые. Брови эти так ярко выделяются, что по-своему формируют весь его облик. Края век карих глаз немного опущены вниз. Нос крупный и прямой. Аккуратные широкие усы и коротко стриженная борода, о которой мы уже упоминали, соединяясь между собой, подчеркивают и без того мужественный его портрет. Что же касается характера Гаспара, была в нем одна заметная черта: любой человек, даже при коротком общении с рыцарем, сразу мог заметить живой к себе интерес. Не напускной, не поддельный, а настоящий. В его глазах словно отражались неожиданная для сурового воина доброта, жизненный опыт, даже печаль, но никогда там не было и следа равнодушия. В довершение описания скажем, что, благодаря этому качеству, он запоминался людям, и по прошествии времени им было приятно о нем вспоминать.

Гаспар в этой книге – одно из главных действующих лиц, и поэтому мы попытались подробнее его описать. Впереди еще будет рассказ и о самом ордене Калатравы, но сначала читателю предстоит ненадолго заглянуть в прошлое Гаспара, с самого его раннего детства.

Далекие его предки родом из графства Барселонского в Каталонии. Его деды и прадеды были крупными феодалами на службе короля и под покровительством святой церкви. Более двухсот лет назад эти отважные представители рода человеческого противостояли маврам и, хотя не сильно помогли родной Испании, богатство и состояние семьи Грекко в результате тех войн выросло в несколько раз. В ту пору, когда Испания фактически становилась независимой от пограничной с ней Франции, его прадед присягал французскому королю. Тогда в их собственность и перешел замок в Пуату, который впоследствии стал домом родителям Гаспара. Пуату же, в свою очередь, отошло английской короне, благодаря трудам нынешнего короля Генриха.

В те времена в состоятельных семьях вообще, и в испанских в частности, было принято заводить большое потомство. В богатых домах деловые интересы возмужавших детей порой приводили этих родственников по крови к кровной вражде и настоящим войнам. Когда такой

театр военных действий начинал выходить из-под контроля, разгораясь в большой пожар, делались попытки мирных решений в судах, на помощь приходило духовенство, могущественные бароны и прочие миротворцы. При разрешении особо крупных конфликтов дело доходило и до вмешательства монархов. Похожую историю можно рассказать и о предках нашего героя. Разумеется, эти распри и благие вмешательства стоили фамилии Грекко денег и земель, и в результате к началу двенадцатого столетия былого величия предков осталось уже не так много.

Но из любого правила возникают исключения: Пабло Грекко и его жена Франческа – будущие родители Гаспара – всегда держались подальше от семейных разделов. Стороннему наблюдателю могло показаться, будто это и вовсе их не касалось. Когда после свадьбы молодая чета выразила желание поселиться во Франции, никто не удивился. Замок в Пуату давно уже не носил стратегического значения. На деле он служил поместьем с прилегающими землями и деревнями. Гарнизон слуг, который находился там постоянно, поддерживал внутренний и внешний порядок, но был не в состоянии участвовать в каких-либо войнах или выдерживать осады. Эти люди из поколения в поколение принадлежали семье Грекко, служили ей и жили в замке со дня своего рождения и до самой смерти. Родню Пабло этот отъезд устраивал; он самоустранился от раздела семейного пирога, уходил от интриг и заговоров. Пабло воспринимали как человека с отсутствием честолюбия и амбиций, и теперь все с облегчением выдохнули, – на одного Грекко стало меньше.

Никто из этой родни даже не догадывался, какие свободу и благодать получили будущие родители Гаспара. Отношение Пабло к супруге можно было описать двумя словами: он страстно ее любил. Будь Пабло древним полководцем, он развернул бы наступление целой армии в любом указанном ею направлении. На такую нежную преданность Франческа отвечала взаимностью. Их отношения были близки к идеалу: при любых обстоятельствах эти двое всегда оставались друзьями и близкими людьми. В Каталонии Пабло и Франческа знали друг друга с детства, и с годами их чувства заключились в два любящих сердца.

На своей земле Пабло и Франческа не сидели сложа руки. Принадлежавшие им деревни день ото дня ширились, земли под посевы становилось все больше, крестьяне под началом сеньоров вовсю корчевали лес. Самым трудолюбивым из них Пабло дал возможность вести собственные хозяйства. Замок был дополнительно укреплен, местами достроен, – новый владелец проявил в организации работ неожиданные для всех соседей знания. Под началом Франчески внутри замка взрастили сад: проложили аллеи, построили беседки, завели певчих птиц. Здесь супруга Пабло проявила фантазию и терпение. В саду зрели фрукты, к столу подавали свежие овощи, домашнее вино. Пабло и Франческа были неразлучны. Вскоре здесь родился их первенец – малыш Гаспар.

Но счастье не приходит к людям навсегда, хотя, может статься, родители Гаспара и были достойны вечного счастья. Постепенно, с годами сам того не замечая, Пабло в отношениях с соседями оказался втянут в такую же историю, от которой бежал из Испании. Не в роли васала или покровителя, а исключительно на правах друга он уже представлял чьи-то интересы, помогал другим отстаивать свои права, честь или доброе имя. В душе Пабло всегда оставался благородным рыцарем из древних преданий, и в конечном счете это привело его к гибели. С очередной междоусобицы он не вернулся. Многими годами позже его сын Гаспар толком не смог ничего узнать о той смуте, про нее забыли. Забыли не потому, что хотели скрыть; просто с тех пор разгорелось и погасло еще сто подобных войн и смут; забыли ту войну, а вместе с ней и самого Пабло. Только Франческа помнила о своем супруге. Не найдя себе покоя от горя утраты, через полгода она отправилась вслед за ним. Гаспар остался сиротой в десять лет. С этого момента о нем стал заботиться близкий друг Пабло – Анри де Регар, поместье которого находилось в Ньоре. Никто не знает, что сподвигло этого достойного мужа задуматься о судьбе чужого ребёнка, – долг перед погибшим другом или просто доброе сердце, – но после постигших его несчастий мальчик жил у Анри. Благородный де Регар был рыцарем тамплиером, в

ту пору орден стремительно набирал силу. Несмотря на частые отлучки по делам тамплиеров, Анри воистину заменил ребенку отца. Глубокую веру в бога Гаспар унаследовал от родителей, но именно де Регар по-настоящему укрепил ее, научил понимать святое писание и принимать его сердцем. Он часто рассказывал об Иерусалиме, о паломниках, которые со всего света стекаются к Святой земле, о необходимости их защиты силой оружия. Про Иисуса Христа и его апостолов, про первых христиан древнего Рима, об их горьких испытаниях, муках и жестоком уделе; про коварных древних императоров и римский пожар времен Нерона, и про многое другое – познавательное, таинственное, интересное. Но образование Гаспара этим не ограничивалось. Анри де Регар был рыцарем-воином. Когда Гаспар подрос и окреп, он показал юноше, как правильно ему следует держаться в седле, приучил к долгим верховым маршам, брал с собой на охоту, вместе они выезжали за пределы графства. Научил ловить рыбу, готовить еду на костре, спать на земле по-походному, находить в лесу воду, защищаться от дождя и ветра на открытой пустоши, стирать и чинить одежду, содержать себя в чистоте и оберегаться от болезней. Гаспар узнал, как правильно перевязывают раны. Анри учил его всегда быть начеку, как в военном походе, ко всему относиться серьезно и внимательно. Впоследствии эту науку юноша усвоил на всю свою жизнь.

Вдвоем они уделяли много времени искусству владения оружием. Свой первый лук Гаспар получил еще от отца. Он помнил, как вместе с Пабло они согнули его в лесу и вдвоем натянули тетиву. Теперь Анри научил его стрелять из арбалета. Каждый год они подбирали для Гаспара новое копье потяжелее, оттачивали меткость и силу броска. Де Регар, годами раньше, каждый праздник в Пуату не пропускал ни одного ристалища, ни одного турнира. Гаспар обучался ратным навыкам с интересом, делал успехи, и учитель был им доволен. Но за те годы Анри дал юноше много больше, чем боевую закалку, – он научил его не сдаваться, убедил Гаспара, что в неравном бою никогда нельзя испугаться боли, какой бы она ни была. В тот важный миг лишь одно должно знать воину, – пока рядом есть живой враг, над тобою висит угроза, и в эти мгновения некогда чувствовать боль, и вообще что-либо чувствовать...

Гаспар проезжал знакомые места, и живые картины времен его юности одна за другой возникали в памяти. Когда ему исполнилось двадцать три года что-то необъяснимое, связанное с горечью потери родителей, потянуло его в родную Испанию. В Каталонии Гаспар прожил четыре года. По возвращении во Францию молодой сеньор переехал из Ньора в Пуату и поселился в родовом замке Грекко. Здесь мы приближаемся к последней главе из истории его прошлого.

И снова Анри де Регар сыграл важную роль в жизни нашего героя – он познакомил Гаспара с дочерью владельца ближайшей к землям Анри сеньории. Феодалом был дворянин по имени Гийом Вильрен, дочь его звали Агнес. Уважение семейства Вильренов, которое постепенно заслужил Гаспар, а также их крепкая дружба постепенно переросли в нежные чувства двух молодых людей. С первого дня знакомства с дочерью Вильрена Гаспар смотрел на их с Агнес отношения очень серьезно. Тому была причина, – девушку рекомендовал сам Анри, а Гаспар к тому времени уже относился к де Регару как к родному отцу, его мнение было для молодого человека крайне важным.

Через полгода Гаспар и Агнес обвенчались. Церемония проходила поздней осенью в Ньоре в церкви Сен – Андре, что стоит на высоком холме, откуда открывается вид почти на весь город. Сейчас он видел словно наяву, как приглашенные гости один за другим поднимались по ступеням к воротам церкви, ежились от холодного ветра, кутаясь в плащи и накидки, спеша проникнуть внутрь храма. Перед алтарем он поклялся любить ее всю жизнь. Эту клятву Гаспар никогда не нарушит. Их первенец появился на свет через год. Мальчику было дано испанское имя Доминик. Еще через год, не сумев разрешиться от второй беременности, его любимая Агнес умерла.

Католический орден Калатравы существовал на испанской земле уже пятнадцать лет. Тамплиеры какое-то время были даже тесно связаны с цистерцианцами. И снова де Регар рассказал Гаспару об ордене и передал письма влиятельным лицам Калатравы. Особых рекомендаций не требовалось, семью Грекко в Испании знали и уважали. Гаспар лично встречался с приором ордена Веласкесом. Через три года, частично оправившись от личных потерь, он принял обет безбрачия и послушания и был посвящен в рыцари. После участвовал в своем первом походе под знаменем Креста. Прошли годы. В свои сорок пять Гаспар настолько познал жизнь, что временами ощущал себя старше. Оставаясь рыцарем ордена, он доблестно, верой и правдой продолжал ему служить.

Гаспар жил надеждой и всегда смотрел в будущее. Сегодня рядом с ним был тот, кто стал всего дороже – сын Доминик. Он знал и чувствовал это, чтит это и благодарил господу за ниспосланные ему испытания и дарованное свыше счастье.

Глава II. “Я приехал только за тобой...”

Когда всадник пересек городские ворота, вечерню на колокольне церкви Сен-Андре уже отзвонили. Это его слегка огорчило, ибо в планах у Гаспара было прибыть на место к ужину. Ужинали у Анри, как принято, между вечерней и повечерием. Когда он переезжал мост через реку Севр-Ньортез, небо уже темнело. Земное светило уплывало за горизонт, и внушительная громада воздвигаемой на берегу крепости прятала последние его лучи. Несмотря на то, что он часто бывал здесь и не раз обходил пешком обширное строительство, в каждое свое посещение Ньора ему было интересно вновь осмотреть укрепления, отметить для себя продвижения работ и постепенное созидание новой крепости камень за камнем. По высочайшему приказу Генриха II замок начали возводить несколько лет назад. Возможность защищать эти земли, – была серьезная цель для короля. Сегодня одни только хозяйственные дома с жилищами зодчих и строителей образовали уже целый город. Здесь в последние месяцы с удовольствием работал его сын. Доминику нравилось участвовать во всем, что касалось строительства: пусть это было неторопливым изучением чертежей будущего донжона или, напротив, утомительным тасканием камней на стены; и легкие и тяжелые работы давали ему удовлетворение и сознание приносимой пользы. Вряд ли он представлял себе это именно в таких выражениях, но, если говорить проще, в ту пору в Ньоре молодому человеку положения Доминика просто некуда было, как говорится, приложить руки, и поэтому работа на строительстве крепости его увлекала. И вот сейчас Гаспар, несмотря на вечерний час, усталость и большое желание поскорее вытянуть ноги у огня, спешил неподалеку от берега и в который раз внимательно обвел взглядом будущий донжон. Но нетерпеливое желание скорее увидеть родных все-таки взяло верх, Гаспар с легкостью запрыгнул обратно в седло, словно и не было позади утомительной дороги. Предвкушение повидать Анри и еще кое-кого в доме де Регара придавало сил. Цель визита к своему приемному отцу, новости, которые он вез ему, – все эти мысли приятно возбуждали Гаспара и заставляли по-хорошему волноваться. “Только бы застать Доминика на месте”, заранее успокаивал он себя.

В скором времени рыцарь подъехал к высоким железным воротам двухэтажного усадебного дома. Основой этого внушительного строения были толстые сваи или, правильнее сказать, деревянные балки. Пространство между балками и перекрытиями фасада было открыто для взора, заполнено при строительстве раствором глины и тщательно оштукатурено. Расположенная фактически на берегу реки, усадьба своими воротами и южным фасадом выходила прямо на дорогу, тогда как ее противоположная северная стена буквально нависала над водой. Сваи с этой стороны дома были мощнее, длиннее и стояли на камнях, а пространство между ними было выложено также камнями и промазано глиной. Серую черепичную крышу внушительно дополняли две массивные дымоходные трубы. Гаспар три раза постучал в ворота тяжелой дверной оковой. Лязгающий звук ударов грубо нарушил вечернюю тишину. Решительные шаги верного Оливера он узнал сразу; преданный слуга жил у Анри уже четверть века, но крепкому здоровью этого немолодого мужа можно было только завидовать.

– И кто это стучит в такой час? – его старческий хриплый баритон выдавал удивление и раздражение – все вместе. Посему было видно, что гостей не ждали.

– Странствующий рыцарь, кто же еще? Да, Оливер, ты точно не готовился встречать старого друга. Отпирай! Здесь сыро, а я, как назло, голоден и замерз.

– Силы небесные, сеньор Гаспар! Мы вас не ждали так скоро... Вот так радость для моего господина! – Старик начал двигать засовами, большие ворота тяжело открылись, и лошадь сразу попятилась назад от яркого света фонаря. Возникший словно по волшебству конюх резво подхватил ее и повел в стойло. Гаспар вошел внутрь, широко улыбаясь, и похлопал Оливера по

плечам. Старик хотел что-то сказать, но от неожиданности засуетился, разволновался и стал часто кланяться.

– А я, напротив, с самого утра жду тебя. – Еще один почтенный старец из отчего дома Анри де Регар спускался по лестнице навстречу гостю твердым для своих лет решительным шагом. – Оливер! Неси огня, я хочу как следует рассмотреть дорогого гостя. В зале тоже зажги побольше факелов и разбуди Доминика. Да смотри не напугай его, ведь спит поди-ка мертвым сном после трудов праведных. Ну, вот ты и дома, дорогой друг! – Анри и Гаспар обнялись и крепко пожали друг другу руки. – Пойдем наверх, согреешься у родного очага. Не понаслышке знаю, как ты устал. Долгий путь позади и, слава апостолам, сегодня мы опять вместе. В старости, Гаспар, мы благодарим каждый отпущенный нам новый день, и спасибо тебе, что сделал этот день для меня счастливым.

– Слава апостолам, но как же много слов... Не благодари меня, Анри, – засмеялся Гаспар. – Я приехал осчастливить тебя не на один день, смотри, как бы не надоел... Зачем, позволь спросить, ты напоминаешь мне о старости? Ты сам еще не стар, а мне тем паче рано об этом думать. Подожди еще немного, ибо твой меч по-прежнему так же тяжел как раньше.

Анри сделал сердитое выражение лица, но глаза его улыбались.

– Твои слова – сладкая патока, Гаспар, но лезть не подобает рыцарю. Оставь это занятие вельможам, мой друг. Поверь, они в этом преуспеют.

Оба расхохотались и, незаметно помогая старику, Гаспар вместе с ним стал подниматься по лестнице в верхние покои дома. Когда они вошли в обеденный зал, навстречу им выбежал молодой человек. Продолжая на ходу затягивать пояс, он подскочил к Гаспару, и они крепко обняли друг друга.

– Доброго здоровья, батюшка! Вот так внезапная радость! Анри ожидал вас еще со вчерашнего дня, а я все твердил ему, что так быстро приехать из аббатства вы не успеете. Получается, его была правда!

– Здравствуй, сын! Просто Анри, как никто, меня знает, Доминик. Он предвидел, что к вам я буду лететь как одержимый.

Широкая улыбка озарила лицо Гаспара. Всю дорогу, до самого последнего момента он почему-то боялся не застать Доминика у Анри, хотя веских причин разминуться у них не было. Он успел крепко заскучать по сыну. Теперь, когда все надежды оправдались, казалось нечего больше и желать. Доминик чувствовал то же самое, только по-своему. На некоторое время все трое замолчали, будто задумались. Анри нарушил паузу первым:

– Гаспар! Садись за стол, поешь и выпей вина. Расскажешь нам обо всем, а мы, как положено родичам, разделим трапезу и выслушаем все новости. Как же я рад, что ты приехал!

Пока Гаспар, согревая спину от большого камина, истреблял крупный кусок телятины, а старик Оливер ходил от амбара к столу и обратно, свет огня ярко осветил сидевшего напротив него молодого человека. Сейчас юноша был не голоден, и сжимал в руке только кружку с вином.

Доминик, благодаря высокому росту, широким плечам и гордой осанке выглядел старше своих лет; на вид здесь можно было давать все двадцать пять, хотя и двадцати ему еще не исполнилось. У него были черные прямые волосы, распадавшиеся сбоку на пробор и чуть торчавшие за ушами. Карие выразительные глаза никогда ничего не скрывали: улыбались, когда он улыбался, становились серьезными или удивленными, в зависимости от состояния их обладателя, печалились, смеялись, словом, были зеркалом души. Глаза всегда предательски выдавали Доминика, по этой причине юноша не умел ничего скрывать, вечно был весь как на ладони. Нос достался ему от матери, прямой, с широким разрезом ноздрей. А вот таким, будто слегка улыбающимся ртом уже наградил его отец. Бороды и усов Доминик не носил, их заменяла темная щетина по краям лица. Подбородок был выразительным и, как принято говорить, мужественным. Одним словом, он был весь в отца: мужчины его узнавали после первой встречи, а девушки запоминали с первого взгляда. Одет он в удобную льняную тунику, отделанную

изнутри мехом. Она плотно облегла его торс, по длине была до колен, стянута поясом вокруг талии. Вот именно так сейчас он выглядел, освещенный огнем очага в доме де Регара.

Завершая общепринятый обмен новостями о нынешних посевах, урожаях и делах насущных, собеседники, не торопясь, перешли к главной теме разговора. Начал Гаспар. Он был уже сыт и воодушевлен домашним теплом, а остальные, в ожидании интересного рассказа, невольно придвинулись к нему ближе.

– Да... скоро исполнится два года, как мы потерпели поражение в Иерусалиме, а костер будущей войны за него все сильнее разгорается именно здесь, у нас дома. Теперь грядут большие перемены, Анри.

– О чем ты говоришь, Гаспар? – сразу прервал его Анри, – королю вот с одной только Францией уже хватает здесь забот, конца им и края не видно. Филипп не успокоится, пока не выдаст замуж свою сестру, не говоря уже обо всех его претензиях на земли. Я слышал, королю Генриху сильно сейчас нездоровится. Иногда меня удивляет: ведь с годами мало что меняется, и вот вновь на короля ополчились все разом. Пошли господь ему долгие лета, он давно уж не молод для всего этого.

– Анри! Давление Филиппа французского на Генриха не представляет для последнего такой важности, как ты думаешь. Ты знаешь не хуже меня, что король всегда разыграет свою партию и, как пить дать, останется при своих интересах. Нет, это все пустое, но у него есть головная боль воистину посильнее: Ричард, его сын.

– Ричард, граф де Пуатье? – вступил в разговор Доминик, – как он может быть врагом королю?

– Доминик! Воздержись от крамольных фраз, – он не враг королю. Не будем себя обманывать: сколько бы ни было отпущено на этом свете великому Генриху второму, Ричард – есть будущий король. Он собирается даже забрать своего брата Иоанна с собою в Иерусалим, лишь бы только отец в его отсутствие не сделал младшего королем.

– Я про это слышал, – задумчиво проговорил Анри. – В Иерусалим! Да Ричард уже два года туда собирается и, насколько я знаю, все равно продолжает по-прежнему воевать с Францией. Эти планы о Крестовом походе скорее всего так и останутся планами, Гаспар.

– Ты ошибаешься, Анри. Крестовый поход не за горами, и Ричард своего добьется. Что касается Иоанна, этой идеи забрать его с собой: на днях у Ричарда была встреча с епископом Кентерберийским; на ней он и высказал эту идею, высказал как свое требование.

Оливер принес еще вина и разлил всем по кружкам. Воспользовавшись паузой, все задумались и снова замолчали. Потом вступил в разговор Доминик:

– А как у вас в ордене, отец, оценивают это? Что говорит магистрат?

– Орден меня поддерживает. Я так долго ждал, когда наступит этот день, Доминик. Теперь это время – наше с тобою время.

– Я не понимаю...

– Я всегда знал, что оно наступит. Когда была жива твоя матушка, и тогда ни минуты не сомневался. Поэтому за те годы, что ты рос у меня на глазах, обучил тебя всему, что сам знал и умел; ты стал сильным и выносливым. Да, опыта настоящих сражений у тебя пока нет, но не сомневайся, сынок, ты его получишь. Главное, что я больше не боюсь за тебя, Доминик, клянусь святой Девой Марией, не боюсь... Ты станешь славным рыцарем, и по этому поводу мы с Анри будем по-настоящему радоваться и гордиться!

– Рыцарем? Но, отец, ведь я не рыцарь! Никто не собирался посвящать меня в рыцари. Такого будущего я для себя не предвидел, а вы никогда об этом не говорили. О каких сражениях вы сегодня завели речь? Разве мне предстоит покинуть родные места? Но мне хорошо здесь в Ньоре, я занят на строительстве крепости, работать мне нравится и, кажется, другие тоже этому рады... Я завел здесь много друзей. Уверен, отец, что на донжоне я приношу пользу и обязательно заслужу доверие и уважение людей. Разве не этому вы всегда учили меня?! Вы же

сами хотели для меня... – голос Доминика становился все тише; он чувствовал, что на него надвигаются неизвестные события, перемены, и что все это теперь неизбежно его коснется...

Однако Гаспар, казалось, вовсе не замечал его волнения и все более воодушевлялся разговором. Было ясно, что он вплотную подошел к объяснению настоящих причин своего визита. Рыцарь наклонился к юноше ближе и заговорил, слегка понизив голос. Анри все это время вопросительно смотрел на Гаспара.

– Я жалею только об одном, Доминик, – он перешел почти на шепот, – что мой отец – твой родной дед не дожил до этого дня. Конечно, орден меня поддерживает, а мы с тобой поддержим Ричарда, графа де Пуатье. То, что по словам Анри должно остаться в планах, сегодня уже наступило. Мы с тобою отправимся за Ричардом в крестовый поход против неверных; пойдем с его армией и под его знаменами. Мы покроем себя славой, Доминик, и вместе – отец и сын – вернем, отвоюем Святую Землю. Мы обретем богатство, совершим ратные подвиги, принесем процветание всему нашему будущему роду! Нам выпало это счастье, – сражаться в Иерусалиме плечом к плечу с будущим королем!

Я приехал только за тобой!

Глава III. Братья по оружию

Некоторое время слышно было только треск огня в камине. Мысли Доминика начали путаться. Он догадался, что отец вынашивал свои планы давно, и говорить ему сейчас что-либо было бесполезно; но все происходило слишком быстро, многое до сих пор ему не понятно... Первым нарушил молчание Анри:

– Друг мой. Вижу, что у тебя было время все обдумать. Как и прежде, я здесь полностью доверяю твоему мнению и опыту, и знай, что на душе у меня покой. Не сомневаюсь также, что у нас хватит средств вооружить вас на этот поход, а ведь денег тут потребуется немало. Кроме того, нам предстоит подобрать как минимум двоих хороших оруженосцев, и чтобы они при этом были хоть немного моложе меня... Дело нешуточное, надо взять с собою самых надежных и проверенных людей, сильных к тому же и телом и духом.

– Именно таких оруженосцев мы и возьмем, – поддержал старика Гаспар. – Но я еще многое не успел вам рассказать: по дороге мы соберем еще целое ополчение. Месяц назад я договорился об этом деле с нашими северными соседями из графства Анжу. Мы повстречались в начале года в Бургундии и у нас было время как следует все обсудить и обдумать. Анри, я имею в виду твоего старого друга Бернара де Диона. Знаю, что нам с Домиником такой вояж будет не совсем по дороге, но, несмотря на явную проволочку, мы с Бернаром договорились встретиться десятого числа этого месяца в Анже.

Анри нахмурил брови и молча уставился на Гаспара. Казалось, что старик постепенно начинал терять нить разговора; на него сегодня свалилось слишком много новостей.

– А Дион тоже собирается под знамена Ричарда? – Доминик словно очнулся.

– Да, так и есть. На этот раз мы с бароном в одном походи, – он тоже берет с собою в поход сына, Кристиана. Ровно год тому назад Бернар находился в Италии и там, одним из первых, он узнал о захвате Иерусалима. Потом мы еще не раз обсуждали перспективы планов Ричарда и саму возможность выступить с крестовым походом, взяв заодно и сыновей. И вот с тех пор прошло не так много времени, но в доме Бернара де Диона совершилось много перемен, – Гаспар задумчиво улыбнулся и посмотрел на Анри.

– Хочешь сказать, что он получил новый титул? – со смехом спросил де Регар.

Доминик уже полностью очнулся от гнетущих его дум и с интересом прислушивался к общему разговору. Вино делало свое дело, беседа стала протекать свободнее и веселее.

– Анри! Ты даже не подозреваешь, насколько сейчас близко от истины твое предположение. Нет, титула он пока не получил. Зато по-прежнему имеет много денег со всех бесчисленных военных походов, начиная с его прадеда. Ты помнишь графа де Розена, Франсуа Розена?

Анри де Регар тихо рассмеялся и закатил свои старческие глаза.

– Помедленнее, помедленнее, Гаспар, я за тобой не успеваю. Ты только что говорил о Дионе, а теперь еще какой-то Розен. Нет, Гаспар, де Розена я не помню. Кого я действительно припоминаю в тех краях, так это только нашего знакомого Бернара и еще я слышал, что там часто гостит герцог Анжуйский...

Все расхохотались, а Доминик громче остальных.

– Дальше я буду вам рассказывать в точности так, как это обычно описывают в рыцарских романах, – Гаспар весело подмигнул Доминику и продолжал, – граф де Розен – это титул, а барон де Дион – это деньги. Два таких предмета испокон веков притягиваются друг к другу. Не буду вам больше морочить голову: нынче в июне этого года в Анже, после дня Пятидесятницы, сын Бернара – Кристиан Дион – женится на Валери – дочери графа де Розена.

Все на секунду притихли, и потом Доминик опять зашелся смехом.

– Батюшка! А и вправду, больно у вас резвые перескоки с крестовых походов на пышные свадьбы. Тут и без моего рыцарства уже целая поэма.

– Да, ты прав. Хотя вся эта история могла бы стать простой скукой, если бы не одно обстоятельство. Тут есть странная вещь, которая не уместается в общую картину. Дело в том, что Кристиан искренно и нежно любит эту Валери, а дочь Розена ну просто души не чает в своем избраннике. Как тебе это нравится, Анри, ну вот скажи мне, разве такое в жизни вообще бывает? Ведь эта помолвка..., по сути, там уже решили за них, а молодые лишь недавно вообще узнали друг о друге, и вот – любовь! Получается, здесь будут счастливы абсолютно все! А я всегда считал, что в нашей жизни просто деньги титул притягивают, и наоборот.

– Гаспар! – Анри тяжело вздохнул. – О превратностях любви я тебе уж точно ничего говорить не стану. Ответов на эти вопросы у меня нет. Одно скажу: я повидал немало на своем веку и примеров бескорыстной любви не помню, но зачем далеко ходить? Я хорошо знал твоих родителей. Ты мало был с ними, а последним не довелось долго жить, упокой господи их души. Но их любовь, Гаспар, определенно была настоящей и уж точно бескорыстной. Это была и любовь друг к другу, и любовь к тебе... Видишь, мне не пришлось думать над твоим вопросом. Такой любви учит нас господь, и эта любовь есть богоугодна.

Анри замолчал, и казалось, былые воспоминания на миг вернули его в прошлое.

– Господь в твоём лице послал мне второго отца, Анри. Я всегда буду помнить об этом. Конечно все возникло благодаря любви. Ты был и есть самый мудрый из всех, кого я знаю. Ведь вот опять, казалось бы, в обычном простом разговоре ты снова мне все объяснил. Доминик, всегда его слушай и запоминай, лови каждое слово своего дедушки.

Они подняли чарки и молча выпили. Говорить им сейчас более было не нужно.

Вскоре Гаспар продолжал:

– Вернемся, однако, на грешную нашу землю. Думаю и для тебя, Анри, будет полезным посетить Анже. Пока мы все там встретимся на этой свадьбе, пока пройдут пиры и празднества, наверняка появятся известия и о дальнейших деталях похода. Ричард нацелен крайне решительно, и я не думаю, что мы надолго застрянем в Анжуйском графстве. Бернар тоже затягивать дела не собирается: я уже сказал, что своего сына он берет в поход к Святой земле. Ты, Анри, вместе со слугами в любой момент сможешь вернуться в Пуату, когда только пожелаешь.

– Я подумую над этим предложением, – веки Анри отяжелели, он начал уставать. – Я слышал, в эту пору в Анже состоится и рыцарский турнир.

– Да тебе здесь, я смотрю, вообще все известно. Так и есть, об этом везде уже раструбили. Ну мне искать там нечего, – орден не позволяет участвовать в подобных забавах, а вот на Кристиана у его отца большие планы. Настоящего рыцаря нам готовит! Кстати, и вам, юноша, тоже не помешало бы овеять славой наше доброе имя, – он ткнул Доминика в бок и погрозил ему пальцем. – Ничего! Завтра я проверю на прочность твою руку, не сомневайся.

– А уж я как ждал... – Доминик улыбнулся отцу. Сонный де Регар вступил в разговор:

– Однако все это на словах выходит проще простого, а на деле нам предстоят нештучные сборы и большая подготовка. Я, пожалуй, и вправду провожу вас до соседнего графства. Новостей о предстоящих событиях уже так много, что я боюсь о чем-нибудь позабыть. Тушите свечи, впереди нас ждет большая работа.

Они медленно поднялись из-за стола и, исключительно довольные друг другом, отправились на покой.

Глава IV. На северной дороге в Анжуйское графство

Гаспар и Анри были абсолютно правы, подготовка в дорогу предстояла серьезная. Несмотря на явную неопределенность относительно общего сбора и начала похода, Гаспар не сомневался, что ближайшим от Пуату местом отправки судов на Восток будет Марсель. Стало быть, конечным пунктом их путешествия по суше должен быть этот портовый город. А с другой стороны, он понимал, что любые самые решительные планы Ричарда не могут избежать риска отсрочек; несмотря на свою неудержимость с походом в Палестину, Ричард продолжал всевозможные военные действия с соседями. Все это означало, что о конкретных днях отплытия войск из Марселя у них с Домиником сведений не было, и их странствия на пути к побережью могут растянуться на неопределенное время.

Вопрос с выбором оруженосцев был решен уже на следующий день, и решен не совсем обычно: оруженосцем Гаспара постановили объявить Доминика. Этого не запрещал закон; Доминик дворянского происхождения и по достижении совершеннолетия имел право быть посвященным в рыцари. Учитывая, что на данный момент ему исполнилось девятнадцать, ждать оставалось менее двух лет. То, что он приходился Гаспару Грекко сыном никак не мешало Доминику стать его оруженосцем. Таким образом, состав участников похода сразу сократился: вместо четверых человек решили отправить на Восток двоих, – так было дешевле.

От Ньюра до ближайшей цели – города Анже, столицы Анжуйского графства было более 30 лье. Предстояло объезжать болотистую местность и, учитывая преклонный возраст Анри, поклажу и все перевозимое снаряжение, кавалькаде предстояло туда добираться полных три дня с двумя остановками на ночь.

Помолвка Кристиана с Валери состоялась в графстве Анжуйском на Пасху. Наши герои были приглашены в замок Бернара де Диона на встречу старых друзей, рыцарский турнир и, наконец, на свадьбу молодых супругов. Праздничные дни обещали быть длинными. Бернар де Дион назначил местом главной встречи свой фамильный замок, но дальнейшие празднества планировалось перенести в его городскую сеньорию. В Анже началась ярмарка, и можно было только догадываться, какое столпотворение там сейчас творилось; также, принимая во внимание предстоящий турнир, люди самых разных сословий стекались в Анже. Гаспар предупредил, что в окрестностях замка простолюдины уже разбили огромный людской лагерь. Воистину, для четверых наших путешественников (Анри должен был сопровождать его слуга Томас) там намечалась большая суета.

У Доминика еще не прошел шок, полученный им от известий о крестовом походе. Ночью он плохо спал и, проснувшись ни свет ни заря, обнаружил, что Гаспара нигде нет. Оливер сообщил, что накануне Гаспар приказал ему подготовить утром лошадь: он ненадолго отлучился в их родовой замок, сделать необходимые распоряжения тамошним слугам. Ход его мыслей был ясен как день: никто не знал, включая и самого Гаспара, сколько времени он будет теперь отсутствовать в Пуату. Полагаясь на Господа и свою счастливую звезду, рыцарь четко понимал, что при определенных обстоятельствах он может надолго задержаться в Иерусалиме или даже вовсе не вернуться. Эти мысли навалились на Доминика, заставили его с грустью задуматься о своем привычном жизненном укладе в Ньюре, о том, что вот так скоро, почти сейчас он внезапно оборвется. На душе у молодого человека стало тревожно. Конечно, в силу юного возраста и пылкого характера, он в последнее время часто мечтал о каких-то странствиях и приключениях, даже о своих личных подвигах и воображаемых сражениях; мечтал, что вот скоро он избавится от опеки Анри и вступит в настоящую взрослую жизнь, полную испытаний и интересных событий. Все это было, но почему-то теперь ему хотелось хотя бы на несколько дней отсрочить отъезд, чтобы напоследок как следует попрощаться с родными местами, быть может мысленно попрощаться с Анри. Когда отца не было рядом, он всегда вспоминал о Гас-

паре, скучал по нему. Сегодня, когда предстояло уже не расставаться с отцом, к его сердцу подкралась тревога за Анри, и уже заранее он скучал, теперь по Анри. Это вовсе не означало, что Доминик был таким крайне чувствительным человеком. Причина в другом: Гаспар и Анри были его единственными близкими людьми, других у него не было и, несмотря на всю свою пылкость и молодость, Доминик ясно это понимал. И он разрывался между ними, потому что любил их.

В полдень Гаспар вернулся и привел двух крепких коней. Было решено взять их с собой для перевозки провизии, вещей и одежды, необходимых в путешествии. Щиты, оружие и тяжелые кольчуги также предстояло погрузить на этих резервных коней. Кроме того, для перехода до Анже на них навьючили мешки со свадебными подарками. Все необходимые распоряжения Гаспар отдал. Мы уже упоминали, что большинство его вассалов проводили в замке всю свою жизнь, несли гарнизонную службу и просто работали. Среди них были и люди благородного сословия; почти все они владели своими феодами, имели в собственности землю и за это служили своему сеньору. Также полным правом распоряжаться в родовом поместье и отдавать там любые приказы обладал Анри де Регар.

Приведем здесь краткое описание оружия и снаряжения, которое собрали в дорогу наши воины. Щиты: оба миндалевидной формы и большого размера, за которыми человеку можно было укрыться почти полностью. На обитом черной кожей щите Гаспара был изображен крест ордена Калатравы; щит Доминика был украшен семейным гербом – направленный острием вверх меч рядом с изображением оливкового дерева. Шлемы у рыцаря и оруженосца были почти одинаковые: остроконечной формы с тонкой металлической полосой для защиты носа. Меч Доминик получил в дар от Анри и с ним упражнялся почти с детства. Этот нормандский клинок, благодаря своей сравнительной легкости, был быстрым и стремительным в рубящей атаке; тогда как длинный тяжелый меч Гаспара, при успешном колющем ударе, был уже смертельно опасен. Гаспар брал с собою и второй меч – короткий; он использовал его для конных сражений, а тяжелый – в пешем бою. Кроме уже упомянутых выше кольчуг они захватили арбалеты со стрелами, топоры, два длинных копья и ножи для рукопашного боя. Весь день прошел в сборах и хлопотах. Было решено отправиться в путь уже следующим утром на рассвете.

И этот новый день настал. Лето нынче стояло сухое и жаркое. Была пора жатвы, и повсюду на полях, вдоль которых сейчас проезжали рыцари, крестьяне работали на сборе урожая. Несмотря на раннее выступление отряда (солнечный диск на востоке показался только наполовину), все уже чувствовали, что день будет знойным и душным. Кавалькада, не спеша, двигалась вдоль реки; перебивая друг друга, без устали щебетали птицы; вдалеке было видно, как крестьянин пастух на пару со своей собакой гонят впереди себя стадо овец; утро прохладой и свежестью бодрило людей и коней, настроение у наших героев было веселое и радостное. Даже такому опытному вояке как Гаспар, который давно привык не проявлять лишних чувств и ни на что в дороге не отвлекаться, солнце сейчас тоже светило по-особому, а будущее представлялось счастливым и бесконечным. Самому себе он объяснял это просто и притом абсолютно правильно: рядом едут его близкие люди, все они веселы и здоровы, а ближайшая их цель – праздники, и этим утром они собрались все вместе. О чем еще можно мечтать?

Анри де Регара сопровождал, как мы уже упоминали, его слуга Томас. Старика Оливера пожалели по старости и в поход с собою не взяли. Конечно, тому имелась и другая причина: Томасу было тридцать лет от роду и по природе своей он славился исключительно крепким малым; одним словом, в случае неприятных осложнений в дороге, он мог принести весьма ощутимую пользу. На дружеских состязаниях простолюдинов, что те устроили в Пуату прошлой весной, он четверых своих соперников, одного за другим, вывалил из седла простым ударом кулака, стоило тем только широко замахнуться на него палкой и чуть замешкаться при том... Старик Оливер же, напротив, кроме своей преданности, мало что мог предложить при подобных обстоятельствах, даже с настоящим оружием в руках.

За разговорами они, незаметно для себя, уже покинули границы Ньора и без остановки проехали еще пять лье; кроме крестьян и прочего рабочего люда всадники никого за это время не встретили, ни с кем на дороге не разговаривали и нигде не спешивались. Легкий ветер пригнал облака, и солнце на время скрылось. Отряд продвигался по неровной и сплошь заросшей кустарником пустоши. Эти никем не обработанные участки земли назывались здесь ландами; местность переходила с пригорков в овраги, из оврагов опять на возвышенности, и горизонт порой вовсе исчезал из поля зрения всадников. Когда они в очередной раз таким вот образом выбирались из низины, невдалеке по левую руку из-за кустарника возникла процессия оборванных бродяг. Их было четверо. Впереди всей честной компании медленно ковыляла, спотыкаясь, лохматая страшная старуха, волоча за руку совсем маленькую девочку, возможно всего двухгодовалую. Было не вполне ясно, кто кого ведет: старая доходяга ребенка или, наоборот, девочка помогает старухе. Волосы у женщины были запутаны в сплошной грязный колтун и казались не по годам для их хозяйки длинными. Девочка, с загорелой до черноты кожей, смотрела вперед большими глазами, брови ее были постоянно приподняты, и это удивленное выражение маленького лица производило впечатление застывшей маски. Позади них продвигались двое мужчин, оба неопределенного возраста – этих можно было издали тоже принять за стариков, сутулые и небольшого роста. К ногам одного из бродяг жалась собака, такая же ободранная, как и ее хозяин. Все эти люди были одеты, или лучше сказать завернуты, в невообразимо грязное тряпье, свисавшее лохмотьями до земли. Их тела также были грязными до крайности, и в довершение всем несчастным сильно недоставало зубов, не исключая даже пса. От неожиданности представшего глазам зрелища лошадь едущего впереди де Регара испугалась и сильно дернула в сторону.

– Сеньор, это нищие, – лениво, но с достоинством выступил Томас. – Разрешите, я просто прогону их, чтобы нам не пришлось объезжать этот шабаш.

Анри предостерегающе поднял указательный перст и сделал знак, означающий, что он сам разберется.

– Убогие странники, – громко обратился он к нищим, – отвечайте мне сейчас: христианской ли вы веры или вы, народ, есть язычники, повстречавшиеся нам на дороге?

– Христиане, все как один христиане, великодушный милорд, – неожиданно громко закаркала старуха. – Все как один! – Ее реакция на вопрос Анри была поистине скорой. – Слава королю и славы истинная христианская вера во веки веков! Добрый путь вашему сиятельству и всем вашим благородным спутникам.

– Слава королю! – отозвался Гаспар. Он подъехал ближе. – Томас! Дай им несколько монет, и будем продолжать наш путь, ибо до тех пор наше единство в вере господа и короне не избавит меня от их запаха. Не станем же здесь долго задерживаться. В путь!

Томас, не слезая с лошади, молча бросил на землю пригоршню медяков. Всегда удивленная девочка быстро собрала их, отдала стоявшему позади мужчине и снова взяла старуху за руку. Старая ведьма в порыве благодарности оскалилась беззубой улыбкой и с поклоном вновь обратилась к рыцарям:

– Да будет поход ваш на север благословенным и счастливым, плодотворным и щедрым, великодушные господа. Путь ваш длинен и опасен, но удача и забота господня отныне не покинут вас в дороге.

– Отныне не покинут... не много ли, старая, болтаешь? – снова отозвался Гаспар. – Откуда ты знаешь, что мы едем на север? Если солгала нам, старуха, и на самом деле ты есть гадалка или грязная ведьма, берегись! Ты повстречала на своем пути отряд защитников христианских паломников – рыцарей храмовников сразу двух святых орденов, стало быть, тебе не повезло дважды. А если нет в тебе греха, признайся мне в этом сейчас добровольно и более уже не смущай меня...

– Не ведьма и не гадалка! Перед крестом могу на коленях повторять многократно как истину! Мы еще издали, давно заметили вас, благородные рыцари. А сами четвертый уж день как идем на юг, посему вот и решила, что вы – на север. Навстречу идем, ведь это верно – повстречали мы вас. Мы все тут нищие, больные странники, идем к монастырю, четвертый уж день как идем на юг.

– Ступайте с миром. – Гаспар мотнул головой Доминику, призывая сына трогаться в путь.

Они медленно покидали бродяг. Доминик еще долго оборачивался и смотрел на нищих; те все по-прежнему стояли, не шевелясь, и только рваные лохмотья их одежд да вконец запутанные космы старухи трепали порывы разыгравшегося не на шутку ветра. Ребенок, подняв брови, все смотрел вперед своим вечно остановившимся взглядом; мужчины замерли позади, опустив головы, словно скорбные статуи, и даже собака сейчас почему-то тоже не двигалась, задрав по ветру свою тощую морду. Казалось, все они крайне опасаются даже пошевелиться в присутствии рыцарей, дабы не навлечь на себя их страшный гнев. “Кроме этой старухи никто из них даже не проронил ни единого слова. Может они немые или просто ничего уже не понимают?” – подумал про себя Доминик. Всадники отдалялись все дальше, и юноша не мог разглядеть, как нищая ведьма еще долго шевелила сухими губами.

Куда она смотрела? О чем шептала? Рыцари стали спускаться с холма, и бродяги окончательно скрылись из виду.

Долгий твой путь, но лежит в другую сторону.
О той стороне ничего не знаешь...
Правду откроешь... дорогу найдешь...
предательство встретишь, умрешь...

Глава V. Замок

Мы не будем утруждать читателя подробным описанием путешествия наших героев. Кроме плохой погоды на второй день пути и проливного дождя, который сопровождал рыцарей до самого ночлега на постоялом дворе, по дороге в Анжуйское графство с ними ничего примечательного не случилось.

На третий день, после полудня отряд подошел к границам графства. К вечеру рыцари увидели башни фамильного замка Бернара де Диона. Попутчиков на дороге становилось все больше. В канун церковного праздника сюда стекался народ со всех окрестных городов и деревень на предстоящий рыцарский турнир. На ярмарку, которая была неотъемлемой частью каждого такого мероприятия, направлялись обозы с самым разным товаром. Рыцари со всей округи, желающие показать свою отвагу и доблесть на турнире, то и дело встречались по пути. Простые люди целыми семьями, нескончаемой вереницей шли пешком прямо по тракту. Женщины несли на руках детей. Все они стремились в Анжу на церковную службу, на ярмарку и, конечно, поглазеть на ристалище. Среди горожан и крестьян тут плелись в большом количестве: бродяги, нищие и всякого рода сброд человеческий. Чем ближе наши герои продвигались к замку, тем уже становилась дорога; двигались они теперь не широким фронтом, как раньше, а медленно тащились караваном друг за другом. На подступах к цитадели дорога превратилась уже в сплошную реку из людей, лошадей и обозов. По обочинам с двух сторон гнали скот. Разговаривать стало невозможно; скрипы телег, крики возниц, ржание лошадей, мычание коров, ругань, смех, детский плач, – все слилось в один сплошной шум, который заглушал любые звуки. У подножия крепостных стен этот поток медленно вливался в огромный стихийный людской лагерь, который раскинулся прямо в чистом поле, с горящими кострами, навесами, палатками и прочими походными атрибутами. Другой людской поток заворачивал к замку; за отдельную плату торговцы могли проехать внутрь за ворота и там, на нижнем дворе поставить телеги со своим товаром на все праздничные дни, что было удобнее и намного безопаснее.

Гаспар не преувеличивал, когда рассказывал своей родне о богатстве барона; его замок был воистину настоящей цитаделью и вполне годился принять самого короля! Учитывая упомянутый выше военный образ жизни барона и всех его предков, именно такие функции замок и выполнял – военные. За последние два столетия кто только не пытался его разрушить, но замок всегда вновь восстанавливали и достраивали, постоянно укрепляя и делая крепость еще более неприступной. Этим июньским вечером, когда рыцари приближались к обширному насыпному холму замка, увенчанному в центре главным донжоном, всякий залюбовался бы резко очерченными башнями крепостных стен, словно только сейчас возникшими в кровавом закате. Куртины – наружные стены крепости – местами еще кое-где оставались деревянными; их замена на каменные укрепления продолжалась, но четыре круглые башни, донжон и большая часть стен уже были из камня. Оборонительный ров по всему периметру не был заполнен водой, но был широким и глубоким, пугающим в сумерках своей чернотой и пропастью. Подъемный мост был опущен, и отряд подъехал к его барбакану – сторожевой башне по наружному краю рва.

В Анжу, как и везде повсеместно, готовились ко Дню всех Святых. Стояла пора радостного ожидания праздника и время всеобщего гостеприимства. В замке барона тоже были рады каждому гостю с добрыми намерениями, однако Бернар никогда не снимал дозорных с барбакана, и личность каждого человека, будь он пеший или конный, здесь предварительно выяснялась. Двое дозорных и сегодня стояли у моста.

Гаспар отделился от остального отряда. Не спешиваясь и подняв руку в знак приветствия, он обратился к ближайшему из дозорных:

– Славен Господь и святая Дева Мария! Я рыцарь ордена Калатравы Гаспар Грекко. Со мною мой друг рыцарь тамплиер Анри де Регар, а еще оруженосец и слуга. Мы ваши гости из соседнего графства Пуату, приглашены бароном де Дион на празднества в честь помолвки его сына.

– Славься Господь и святой Мартин! – Приветствовал рыцарей дозорный. – Барон ожидает гостей из Нюра.

– С нами подарки для новобрачных, – указал Гаспар на выючных лошадей. – Однако мы на марше, отсюда в Пуату не вернемся, и впереди нас ждет военный поход. Позаботьтесь, до поры, о сохранности нашего оружия и доспехов. Мой оруженосец Доминик все вам покажет.

– Это не составит труда, господин. Меня зовут Жан. Вы и сопровождающие вас люди можете проезжать. Я укажу вам дорогу до жилых покоев барона. Тамошние слуги примут ваших лошадей и всю поклажу в сохранности.

– Благодарю тебя, добрый Жан. Веди нас, иначе мы и впрямь заблудимся в большом городе за стеной.

Дозорный махнул рукой лучнику, стоящему на мосту, и тот подвел ему лошадь. Жан вскочил в седло, Гаспар сделал отряду знак рукой, и всадники двинулись на подвесной мост через оборонительный ров. Доминик с интересом бросил взгляд вниз и тут же понял, что любому смельчаку на штурме стен достаточно сорваться в этот ров у их подножия, чтобы потом штурмовать только крышку собственного гроба. В ширину ров был точно таким же, как в глубину, – в целую реку, но опять без воды. Лошади проскакали через главные ворота, и всадники очутились за линией первой оборонительной стены. Теперь наш отряд был в замке.

Пока рыцари, не спеша, продвигались через широкий нижний двор, расположенный между первой и второй оградами замка, они не без труда лавировали в многочисленной толпе народа теперь уже здесь, в крепости. Дозорный Жан кричал направо и налево, требуя дать отряду дорогу; особенно нелегко приходилось Томасу, к седлу которого были привязаны две лошади с поклажей. А людей, несмотря на вечерний час, на нижнем дворе толпилась целая прорва, даже помимо ремесленников, торговцев, рабочих местных мастерских, солдат – всех, живущих постоянно на территории крепости. Доминик, со свойственным ему любопытством, крутил головой во все стороны и многое успевал рассмотреть, продвигаясь по обширному пространству нижнего двора. А там было на что полюбоваться.

По сути, здесь располагалась самая настоящая деревня. Одна мастерская сменяла другую, прямо вперемежку с ними стояли дома ремесленников и крестьян. Доминик видел, как люди поднимали воду из большого каменного колодца; чуть подальше за ним, языки пламени вырывались из глубины обширной, крытой низкой крышей кузницы. Он слышал, как резчики по дереву что-то призывно кричали из своей лавки прохожим, расхваливая на все лады товар. Потом из пекарни ему ударил в нос вкусный до невозможности запах свежее испеченного хлеба. В один миг Доминик понял, что он уже давно хочет есть; отряд спешил прибыть в замок до темноты, и за весь день они сделали всего один привал на короткие отдых и еду.

Продвижение всадников через нижний двор все продолжалось. Дома, лавки, всевозможные постройки и целые улицы были разбросаны на нем в полном беспорядке и хаосе. Здесь нашим героям стало ясно, что не отправься дозорный их любезно сопровождать, были бы все шансы надолго заблудиться. Дорога поднималась вверх, все выше и выше. Постепенно они миновали еще одни оборонительные ворота и очутились на верхнем дворе. Пространство здесь заметно сузилось, но, несмотря на это, на нем помещалась довольно большая часовня, конюшни и другие здания, назначение которых Доминик уже с трудом мог разобрать в сумерках. Здесь не было такого столпотворения, и он спокойно подъехал к Гаспару. Отец указал ему направо на ярко освещенные окна невысоких каменных построек:

– Это кухни. Видишь, сколько там огня? А вон там, рядом с конюшнями, находятся псарни Бернара. Кладовые тоже размещены на этом дворе. Я уверен, мы прибыли вовремя

и обязательно сегодня узнаем, какие съестные припасы в них хранятся. А заодно и оценим повара.

– Полагаю, батюшка, будущий замок в Пуату когда-нибудь станет не хуже этого?

– Он станет намного лучше и значительно больше этого замка! У каждой крепости своя история, Доминик, хотя, бог свидетель, все они одинаковые.

Гаспар слегка пришпорил коня и догнал Жана, который по-прежнему двигался в авангарде. Судя по утвердительному кивку проводника, Доминик догадался, что они почти прибыли.

Но прежде, чем подъехать к главному донжону, они миновали еще одни ворота. На этот раз это был окончательный рубеж обороны для наших всадников, но не для врага в случае осады. Сам по себе центральный донжон являлся этим последним рубежом, способным во время войны отчаянно обороняться и даже выстоять натиск врага, но сегодня, в канун Дня всех Святых это был просто гостеприимный дом доброго хозяина барона де Диона, – не только доброго, но и гордого всеми своими победами.

Барон Бернар де Дион, как и большинство французских рыцарей, не отличался особой набожностью. Это был сильный духом человек, не лишенный, впрочем, добродетелей, но всегда знающий собственную выгоду, словом, практичный. В достижении разных честолюбивых планов ему религия никогда не мешала. На встрече в доме Анри, которую мы описывали выше, Гаспар назвал Диона старым другом де Регара. Это являлось преувеличением, они никогда не были друзьями, хотя завели знакомство еще много лет назад. Впрочем, врагами они тоже не были. Анри всегда находился рядом с семьей Грекко и по этой причине своим характером являл сущность испанского рыцаря. К примеру: для Гаспара вера во Христа являлась его главным проводником на земле, что, как мы уже говорили, было нехарактерно для французских рыцарей, даже храмовников. Возможно, именно это разное отношение к вере и вызывало холодок между Бернаром и Анри. Кроме того, оба они были волевыми и сильными людьми, порою жесткими, а такие герои редко заводят дружбу без взаимной выгоды. Каждый из подобных лидеров всегда стремится вперед. Анри много лет был тамплиером и хранил обет безбрачия. Бернар, напротив, был женат, но уже много лет не делил ложа со своей супругой. Зато грех прелюбодеяния был его любимым грехом.

Но существовали причины, которые их и сближали. Одна из них – привязанность к своим детям. Гаспар был приемным сыном, но Анри души в нем не чаял; также и Бернар относился к своему Кристиану. В этом они были похожи.

Слуги приняли лошадей, и повели их вниз на конюшни. По каменной лестнице рыцари поднимались на четвертый жилой этаж донжона. Масляные факелы, укрепленные на стенах, освещали путь, а тени от языков их пламени, словно тянулись вслед за людьми, пытаясь их догнать и остановить. Доминику пришло на ум, что вот сейчас вокруг него точно происходит что-то новое, а предстоящие впереди дальние странствия уже начались.

Глава VI. Призраки древних воинов

На пороге большой залы хозяин встречал гостей. После упоминания об этом человеке, как о старом друге Анри, Доминик представлял себе барона ровесником своего деда. Теперь он был немало удивлен, когда навстречу рыцарям решительной походкой вышел среднего роста крепкий мужчина как минимум на двадцать лет моложе Анри. На вид Бернару де Диону можно было дать пятьдесят. Крупные черты его лица обрамляли длинные до плеч волосы с проседью. Он не брил бороду. Одет был не просто по моде, а скорее шикарно по-праздничному, в шерстяное блио красного цвета – костюм по типу туники, без рукавов, длинной до щиколоток и плотно приталенный. Бернар выступил к гостям в красном берете, в честь особого случая обвязанном шапелю – повязкой или, лучше сказать, накидкой из дорогого сукна, отделанного золотом. Широкая ткань шапели обрамляла плечи и красиво струилась по спине. Мягкие туфли из черной кожи завершали роскошный костюм. Гаспар первый с почтением обратился к нему:

– Благодарю небо, любезный Бернар, ибо я сдержал данное вам слово. Я вошел под крышу этого гостеприимного дома в назначенный нами день и привел с собой своего сына. Это Доминик... Доминик! – Гаспар обратился к юноше. – Мой благородный друг и будущий твой наставник: барон Бернар де Дион!

Доминик низко поклонился хозяину чертогов. Подняв глаза, он увидел, что Бернар с удивлением смотрит на медленно по-стариковски входящего в залу Анри. Уже в следующую секунду лицо его озарилось улыбкой:

– Мой дорогой друг, – обратился барон к Гаспару, – вы не просто сдержали слово: вы, как всегда, выполнили много больше. Потому я искренне рад случаю принять у себя почтенного рыцаря тамплиера шевалье де Регара. – С поклоном. – Анри, благодарю за эту честь. Позвольте представить вас гостям...

Все четверо снова раскланялись, Бернар с Анри пожали друг другу руки и улыбнулись. Проходя через большую залу, Доминик окинул взглядом обстановку главной комнаты. Сразу бросились в глаза грубая простота и непритязательность жилища, что не очень подходило к роскошному платью хозяина и таким же дорогим костюмам его гостей. С левой стороны от входа все свободное пространство занимал огромных размеров камин из белого кирпича, весьма уродливый и ничем не украшенный. Он напоминал раскрытую пасть чудовища, извергающего пламя. Подлинный размер залы оценить было трудно, поскольку остальные три стены буквально состояли из грубых гобеленов, будто произвольно тут навешанных сверху донизу, оставляя свободным всего один оконный проем. Очевидно, зала была в разы больше и просторнее, площадью, вероятно, как сам главный донжон, но Бернар, оригинально используя эти гобелены, оградил в ней для себя и своих гостей определенное пространство. Было ясно, что и таким вот образом территория всего этажа разделялась на отдельные покои. Гобелены были под стать камину – затертые, выдавшие виды, не слишком чистые, почти все с вышивкой каких-то растений и деревьев. На дощатый пол были набросаны ветки, солома, опилки и прямо поверх всего – волчьи и медвежьи шкуры. Масляные факелы, установленные в специальные напольные опоры, и большой огонь в камине ярко освещали длинный грубо сколоченный стол. Все приглашенные гости сидели по одну его сторону. Тяжелое, обитое железом, никем не занятое кресло предназначалось, видимо, для хозяина торжества. Остальные участники трапезы сидели на таких же, как стол, грубых деревянных скамьях. Юноша заметил здесь еще два больших сундука, на них тоже сидели люди. Никакой другой мебели не было. Странное убранство наводило на мысль, что в случае отданного приказа об обороне крепости, все это в один миг будет разобрано и просто исчезнет, как декорация балаганного театра. Честно признаться, было в окружающей обстановке действительно что-то ненастоящее.

Бернар, как и подобает радушному хозяину, при появлении наших героев принялся представлять гостей друг другу. Чтобы не описывать подробно всю церемонию, мы постараемся сделать это чуть по-своему. По правую руку от хозяина дома восседали в следующем порядке: супруга Бернара баронесса Мария де Дион; рядом с нею ее кузен из Нормандии Рауль де Виллен; далее младший брат барона Гийом де Дион; за ним сын Бернара – Кристиан, о котором читатель уже премного наслышан, и которого мы подробно опишем несколько позже. Далее, на месте почетных гостей в самом центре стола восседали граф Франсуа де Розен и его дочь Валери. Свадьба Кристиана и Валери была назначена на второй день после дня Петидесятницы. По другую руку от Валери место за столом занимал настоятель здешнего прихода отец Филипп. Рядом с ним разместились особо приближенные вассалы барона, рыцари: Ричард Керрон и Жан Колестан. Все это собрание можно было смело называть “в тесном кругу” или даже “в лоне семьи”, если бы не трое гостей из Пуату. Итак, во главе стола сидел Бернар, все перечисленные нами персоны – на правой его стороне, и только наши герои – по левую руку от хозяина; далее за ними стол был полностью открыт для удобства подачи блюд; здесь сновали и мелькали слуги, поднося угощения и меняя их по мере продвижения торжества.

Мы ведь уже ранее упоминали, что Бернар де Дион был не очень ревностным приверженцем религиозных догм, а присутствующий на обеде священник отец Филипп избирался местным настоятелем как раз по протекции барона. Как следствие, на многие не совсем богоугодные вещи этот проводник Господа на земле закрывал глаза, ничто не осуждал, не призывал усмирять питание чрева, и конечно пост сегодня соблюдался крайне необязательно. Хотя, в оправдание хозяевам праздника надо признать, что количество блюд из рыбы превосходило своим числом количество угощений из мяса, и в этом конечно была дань посту. Пили белое вино. Приглашенный менестрель тихо играл на мандолине. Рыцарский турнир, запланированный через два дня, получил как одобрение знати, так и особое разрешение духовенства. Ристалище приходилось ровно на канун церковного праздника, что было серьезным грехом, но Бернар так спешил под знамена Крестового похода, что все эти мелкие попустительства были прощены! За какие вообще мирские проступки можно судить человека, ступившего на путь изгнания неверных со Святой земли? Сей воин и благодетель выше любых грехов.

В разговор вступил брат Бернара. Гийом де Дион был худощавым болезненного вида человеком с бледным и усталым лицом. Редкие усы и такие же жидкие волосы словно подчеркивали общую его немощь. При этом ростом он был значительно выше брата, но, казалось, будто даже боялся этого и всеми силами старался скрыть данное превосходство сгорбленной спиной и впалой грудью. Гийом негромко обратился к Гаспару, слова трудно было расслышать, и рыцарю пришлось перегнуться через стол, чтобы внимать ему:

– Вы берете в Иерусалим своего сына, это ведь поистине достойный пример добродетели. А вас не посещало желание, в отличие от моего брата, отвести туда же и свою жену? До нас дошла молва, что во времена второго крестового похода имело место настоящее паломничество женщин в Святую землю.

– По двум причинам я не сделаю этого, – так же негромко отвечал Гаспар. – Первая состоит в том, что моя жена уже много лет как ушла из этой жизни.

– Прошу простить, я этого не знал. Впрочем, как всегда, беседа со мною становится грубой и нескладной, еще не успев толком завязаться.

– Так откуда ж вам было про это знать? – успокоил его Гаспар. – Полноте, Гийом, я на вас не в обиде. Да, молва не врет, такое паломничество и вправду было, но сегодня участь тех женщин не завидна. В этом и состоит вторая причина: я никогда не допустил бы свою супругу на войну, и ваш брат поступает правильно.

– Клянусь всеми святыми, это становится интересным, – вставил фразу кузен Рауль. – Что же за участь постигла этих женщин, Гаспар? Неужели они отреклись от истинной веры?

Рауль де Виллен, не в пример Гийому, был чрезвычайно толст. За столом он управлялся за троих, в каждой руке держа по вилке. Этот господин вкушал с удовольствием; вокруг него уже стояли одновременно закуски и горячие блюда, мед и десерты. Мы забыли сказать, что к появлению наших рыцарей здешний пир был в самом разгаре. Кузен чувствовал себя совершенно счастливым и широко улыбался. У него были длинные, растрепанные курчавые волосы и лихо закрученные усы. Лицо полное с крупными чертами и, как говорится, мясистое. Рауль не носил бороду. Наклонившись к своей соседке Марии де Дион, кузен обратился к ней, весело смеясь и сотрясаясь от удовольствия:

– Полагаю, ведь этот рассказ не смутит вас, баронесса? На войне чего не повидаешь... ха-ха! – И он тут же щедро полил соусом толстый кусок хлеба, а сверху положил на него ломоть оленины.

Доминик украдкой рассматривал супругу барона: Мария де Дион производила на него странное впечатление. Казалось, она силится сосредоточиться на окружающей обстановке, старается присутствовать здесь словом и делом, но с каким трудом ей это дается, не могло ускользнуть от взгляда юноши. На лице у Марии часто застывало выражение, будто она пытается вспомнить что-то очень важное и никак вспомнить не может. Брови всегда сдвинуты, взгляд напряженный. Когда к баронессе обращались со словами, она старалась живо реагировать, но эта странная рассеянность ее не покидала. Доминику почему-то стало ее жалко, хоть он и отдавал себе отчет, что об этой женщине ничего не знает и впервые ее видит. Что касается внешности баронессы: для своих лет она была еще свежа; ее можно было бы назвать и красивой, если б не эти сведенные брови и заломаная морщина на лбу, что никак не шло к окружающему празднику. Она была довольно высокого роста, обладала прямой и горделивой осанкой; крупные черты лица были безупречно правильные, выразительные и определенно выдавали ее благородное происхождение; светлые густые волосы были уложены в аккуратную прическу и красиво заколоты сверху.

Внезапно на выручку Гаспару в разговор вступил Анри де Регар:

– Зеленым юнцом слушал я рассказы своего деда о тех женщинах. Давным-давно, еще в первый Крестовый поход отправились они за Гробом Господним в Иерусалим. Были среди них не только жены рыцарей: за воинами шли их матери, сестры и даже дочери. Они поровну с мужчинами делили все ратные тяготы и невзгоды – в сражениях на поле брани и в длительных осадах. Бьюсь об заклад, тяжкая доля выпадала на их головы. Предки донесли до нас истину, что рыцари тех времен высоко ценили их подвиг и по праву превозносили отвагу и доблесть своих женщин. Все это было. Все это правда. А второй поход только продолжил начатое дело.

– Во второй Крестовый поход женщины отправились уже с размахом, – подхватил Гаспар начатый Анри рассказ. – Огромные свиты слуг брали они с собой: пажи, менестрели, повара, ювелиры, портные, цирюльники, советники, гадалки, предсказатели – все они двинулись на восток. Каждая дама стремилась показать новому миру свою культуру, утонченность, ум, красоту. Каждая видела себя прекрасной воительницей, золотой амазонкой. Крестовый поход представлялся им красивой восточной сказкой, с минаретами и звездочетами, будто не христианскую веру огнем и мечом несли они, а, напротив, желали собою украсить установившийся порядок. Эти женщины стали не только под боевые знамена, они хотели вершить политику наряду с мужчинами. Но, увы... Провидение и злой рок разрушили их планы, принесли с собой смерть и страдание. Прошло уже два года, как пал Иерусалим. Кровь наших рыцарей обагрила эти земли. Резня и бесчинства мусульманских воинов погубили прекрасных амазенок; все, кто смог из них уцелеть, сегодня томятся в гаремах. Это я и называю незавидной участью. Но никакое горе не может длиться вечно, ибо время не стоит на месте. Только милосердному Создателю открыто грядущее; именно благодаря этому милосердию, Господь всемогущий посылает нам откровения и направляет нас дорогою верной и праведной. Впереди

святая цель – освободить великий Иерусалим от неверных, – во имя Иисуса Христа, во имя нашего Короля!

– Во имя Короля! За Короля! – хором провозгласило застолье, все подняли кубки.

– Расскажите же нам еще что-нибудь, достопочтимый Гаспар, – расчувствовался кузен Рауль.

– Обязательно еще о многом расскажу вам, сердечные друзья, но сейчас я хочу поднять свой кубок за хозяина этого гостеприимного дома! – Гаспар поднялся. – Дорогой Бернар, пью за ваше здоровье! За ваш замысел (а он принадлежит вам), за то, чтобы сбылись все надежды! За будущие победы! А еще я поднимаю эту чашу за великую романтику подвига и дружбы!

Под всеобщее ликование мужчины выпили стоя. Когда шум слегка поутих, Гаспар продолжал. Теперь он обращался только к Бернару, словно между ними не было свидетелей:

– Я сейчас поясню. Последний раз, Бернар, мы вот так же несколько месяцев тому назад пировали в Бургундии. Знаю, не будь той встречи – не стоять мне сегодня здесь. В памятный день родилась мечта и укрепилась вера: мечта о защите Иерусалима и вера в бога и Короля – его наместника на земле. Вера нерушима! Но что же стало сегодня с нашей мечтой, Бернар? Посмотри: она есть реальность, она стала нашей жизнью. С тобою уходит в Крестовый поход твой сын. И за мною последовал мой сын. Это чудо! Наши дети прекрасны! То, что они сегодня рядом с нами, это счастье и это... непостижимо. Они наша кровь, наши радость и забота, наше прошлое, настоящее, будущее. Они все наши дни...

Волнение на секунду овладело им. Гаспар перевел дух и продолжал:

– Кристиан был воспитан в родительской любви; Доминик, напротив, вырос без матери. Кристиан старше Доминика, он уже опытный воин; Доминик смел и силен, но он никогда не был на войне. Кристиан уже посвящен в рыцари; Доминик пока только оруженосец. Кристиан уйдет в поход любящим и преданным мужем; у Доминика нет дамы сердца... У моего сына все еще впереди. Качествами рыцаря и мужчины, которыми в полной мере уже обладает Кристиан, этими духовными сокровищами будет обладать и мой сын. – Он повернулся к Кристиану. – Кристиан, сегодня я обращаюсь к тебе! Будь отныне справедливым и внимательным наставником моему сыну, как своему младшему брату, и не бросай его в трудный час. Обещай мне только это. Обещай, и тогда я – Гаспар Грекко рыцарь ордена Калатравы – дам нерушимую клятву: быть всегда твоим покровителем, надежным защитником и преданным другом – отныне и до самой моей смерти!

Это прозвучало внезапно и торжественно, загадочно и странно, не высокопарно и пафосно, но как момент истины; словно из другого мира, который существует рядом, но недосягаем для простых смертных, возникло что-то неизвестное. Разом наступила тишина. Кристиан попеременно переводил взгляд с Гаспара на Доминика, будто только сейчас их впервые увидел. Глаза Бернара были опущены долу и задумчиво улыбались, как если бы он слушал что-то знакомое, но давно забытое. Подобно ему, на лицах других гостей застыло такое же мечтательное выражение. И только его супруга баронесса, напротив, словно очнулась от тягостных мыслей, сбросила оцепенение и смотрела вокруг себя ясным открытым взором. Все стали задумчивы и серьезны; каждый чувствовал, что стоит на пороге чего-то нового, неизвестного, чему он не знает ни причины, ни начала, ни исхода. Смолкла песня менестреля и, казалось, даже огонь в камине затих. Где-то далеко еле слышно перекликались дозорные на северной башне, эхом вторило им людское море, мерно шумя криками, говором и монотонным гулом в огромном лагере за оборонительным рвом. Опустилась ночь. Стало холодно. В единственное окно бесшумно влетел ветер, и бесчисленные гобелены в чертоге замка стали прогибаться, раскачиваться, биться друг об друга, словно грубые паруса на корабельных реях. Древние призраки канувших в лету воинов, несокрушимых армий и былых сражений тихо присутствовали в главной зале центрального донжона. Они мерцали в дыму масляных факелов, туманом стелились по набросанным на пол шкурам, проходили маршем сквозь каменные стены и тканые

гобелены; их тени сгущались по углам, дрожали на выступах бастиона, металась в огне очага. Два рыцаря – Гаспар и Кристиан – стояли друг напротив друга, а бесконечное немое движение древних воинов струилось сквозь них, проникая прямо в кровь, заставляя замирать. Призраки дышали им в лицо, от них веяло холодом. И тогда время замедлило свой ход и в какой-то миг почти остановилось; посреди тишины прозвучало короткое слово:

– Обещаю.

И эхом ему отозвалось:

– Клянусь!

Глава VII. Кристиан и Валери

Граф Франсуа де Розен получил титул по наследству от отца. Двадцать три года тому назад он женился на кроткой, не знатной, но из состоятельной семьи девушке по имени Матильда Лярош. Супруга была моложе де Розена на три года. Вскоре она родила Франсуа двух наследников; оба эти мальчика умерли в младенчестве. Через год после смерти второго ребенка Матильда вновь забеременела, на этот раз на свет появилась девочка. Роды прошли тяжело, и в течение последующих лет совместного проживания с Матильдой Франсуа так и не дождался от супруги наследника мужского пола. Постепенно потеряв к молодой графине интерес, де Розен спровадил Матильду Лярош в обитель Сен-Пьер – старое аббатство города Ман, а говоря попросту, в монастырь, где она и живет по сей день.

Когда маленькой Валери исполнилось семь лет, граф неожиданно вспомнил, что она живет в его доме, у нянек, и Валери стали изредка приводить к родителю.

Пролетели годы, и в один знаменательный день Франсуа получил странное известие: он обнаружил, что вот уже на протяжении десяти лет родной отец Матильды регулярно навещает свою дочь в аббатстве Сен-Пьер. Все проведенное время в обители превратилось для графини в воистину тяжелое испытание, и причиной являлось то, что Матильда Лярош никогда не переставала преданно любить своего мужа, мучительно тосковала по нему, невзирая на горькие обиды отвергнутой супруги и оторванной от ребенка матери. Казалось, чем сильнее была боль, причинённая от Франсуа, тем прочнее становилась ее связь с ним, и этот странный болезненный процесс с годами только набирал силу. В конце концов, будучи состоятельным землевладельцем, отец Матильды заручился поддержкой своего сюзерена и ближайших вассалов, лично сам заявился к де Розену и потребовал, чтобы тот наконец вернул его дочь, и свою супругу из незаконного, как он с жаром выразился, заточения. Де Розен, как подобает графу, принял это требование с достоинством, даже заверив Ляроша, что они определенно придут к соглашению. Получив как бы необходимое время для раздумья, Франсуа за считанные дни собрал армию из вассалов и простых наемников и без всякого предупреждения среди бела дня напал на сеньорию Лярошей. Там он устроил поистине резню: убил отца Матильды, а заодно еще ее старшего брата, сжег деревню, забрал урожай и скот, а его наемники перерезали всех тамошних дворовых людей и крестьян, каких только им удалось поймать. В последствии эти душегубы – как и подобает, перед крестом и перед богом – поклялись, что де Розен заранее объявил своему тестю частную войну, а Лярош погиб в справедливом рыцарском поединке...

Присоединив к своим владениям сеньорию Лярошей (или то, что от нее осталось), граф Франсуа де Розен вошел, что называется, во вкус и более остановиться уже не мог. Он развязывал частные войны одну за другой и, хотя сами по себе они тогда были обычным делом, зловещая молва о кровавой свирепости его набегов разнеслась далеко за пределы Анжуйского графства. Не церемонясь со своими подручными и меняя одного за другим наемников в этой армии, Розен окружил себя самыми отъявленными головорезами.

Сегодня, когда де Розен пировал за одним столом с Бернаром де Дионом, и оба улыбались друг другу как добрые соседи и будущие родственники, трудно было представить, что еще меньше года тому назад они вели тяжелую междоусобную войну. Однако время и вправду не стояло на месте, как говорил Гаспар, и их прошедший конфликт уже не был таким кровавым, как прежние набеги де Розена. Помогла Святая церковь. Ужасаясь всем последствиям подобных разбоев, и не только описанных здесь нами, она повсеместно ввела Божий мир. Эта силовая мера не запрещала, конечно, частные войны, но она законом хотя бы оградила от смерти людей, не имеющих никакого отношения к междоусобицам: крестьяне, ремесленники, землепашцы, мастеровые, священники, да просто женщины и дети раньше погибали на них почем зря. Теперь это стало печальным прошлым. Благие намерения Божьего мира на том не ограни-

чились: стало строго запрещено разорять церкви, поджигать деревни, уничтожать скот, урожай и всякого рода имущество. За нарушение закона полагалось суровое наказание.

Но ни Божий мир, ни Божье перемирие, которое запретило вести войны в определенные дни и недели, не мешали сеньорам и их вассалам продолжать убивать друг друга. День за днем Бернар терял преданных ему людей, и это наводило на размышления о будущем. Мы уже говорили, что Дион был примером практичного человека и во всем преследовал собственную выгоду. Взвизывая на необъяснимую жестокость в поступках де Розена, Бернар, тем не менее, никогда не испытывал к нему ненависти или призрания. У Розена были графский титул и герб, а эти вещи Бернар очень уважал, кто бы их ни носил. Его нисколько не волновало, был граф негодяем или не являлся таковым, но беспокоило другое – потеря верных вассалов. К этому времени он уже твердо решил совершить поход в Святую землю, встать под знамена Ричарда – сына короля – с целью все того же обогащения, и для выполнения задачи ему были необходимые преданные люди. Все эти разумные мысли вывели для Бернара итог: пришла пора заключить мир.

Легко было сказать – заключить мир, но намного труднее это сделать. Такой договор всегда влек за собой разного рода уступки, проще говоря, предстояло платить, а тут у Бернара было слабое место. Дело затягивалось, решение не приходило, а вместе с тем, пора уже было идти за Гробом Господним. Когда мы рассказывали читателю об участниках дружеского пира в замке барона, то упомянули о рыцаре из его окружения по имени Жан Колестан. Вот именно этот шевалье и предложил Бернару блестящее решение. Он рассказал барону о юной Валери, которой к тому времени исполнилось семнадцать лет, и которую де Розен никому не показывает, хотя молва о пленительной красоте его дочери разнеслась далеко за пределы сеньории. Жан Колестан дал барону дельный совет, что брачный союз Кристиана де Диона и Валери де Розен решил бы разом все острые вопросы, а также скрепил бы воедино все титулы, земли и состояния обоих отцов!

Все это молча выслушав и не рассуждая далее ни минуты, Барон отправил к графу гонца с посланием о назначении даты и места встречи проведения мирных переговоров, в котором ни словом не обмолвился об их настоящей цели. Граф ответил на послание согласием, и они встретились на следующий же день.

Одержимый будущим Крестовым походом не меньше, чем сын Генриха Второго, Бернар де Дион ни минуты не сомневался, что поступает правильно, увозя с собой Кристиана на войну буквально из под венца. Кристиан, по его убеждению, должен был твердо понимать, что мирные переговоры и свадьба – все это им нужно для дела. Но Кристиан усвоил другое. В свои двадцать два года он не был зеленым юнцом. Его воспитанием занимались с раннего детства, и сегодня это был рыцарь и мужчина. Временами его даже посещала не свойственная юному возрасту меланхолия. Прожитые годы казались уже такими длинными, а будущая жизнь вообще бесконечной. Плотские удовольствия Кристиан давным-давно уже познал, но не было в этом богатом прошлом лишь самого главного, что и действительно делает из юноши мужчину – не довелось ему никого полюбить. В доме де Розена Кристиан встретил Валери, и с этого дня жизнь его переменилась, и сам он стал другим; глаза по-другому смотрели на мир, иначе он стал все чувствовать и даже иначе говорить. Теперь Кристиан постоянно думал лишь о том, когда же он снова увидит эту удивительную, волшебную, добрую девушку.

Но несмотря на сильные благие потрясения, имя которым – любовь, никогда в своей жизни не послушался бы Кристиан своего отца. Сызмальства он жил в отчем доме почти по военному уставу и даже сейчас, мечтая лишь о союзе с Валери, Кристиан все-равно твердо знал, что в недалеком будущем оставит ее, быть может навсегда потеряет и отправится в Иерусалим, – ведь приказ не нарушишь и судьбу не изменишь – и будет там погибать от тоски по своей любимой. Он мужественно отгонял эти черные мысли, утешал себя тем, что у них будет еще много светлых счастливых дней задолго до горькой разлуки. Да, Кристиан и вправду был

сильный духом человек. Одним из таких безоблачных моментов стал день их помолвки. Франсуа де Розен, не раздумывая, принял деловое предложение Бернара о союзе их детей; Дион был богат, а вот состояние Розена уже трудно было оценить, настолько он погряз в своих войнах, судах, тяжбах и прочих неприятных занятиях. Конечно, этот альянс был ему на руку.

А что же Валери? И она была, подобно Кристиану, сильной натурой или же, напротив, беззащитной и уязвимой? Любила она своего будущего мужа или только подчинялась воле отца? Дочь Матильды Лярош осталась без матери в шесть лет, но при том была ее точной копией – как снаружи, так и внутри. Черты ее внешности и вся благородная красота полностью передались от матушки. То же самое и с характером. Матильда Лярош, встретив на своем жизненном пути Франсуа де Розена испытывала к нему три мощных душевных порыва: любовь, преданность и женскую доброту. К сожалению, супруг не оценил сокровищ ее сердца, что, как мы уже говорили, не мешало Матильде и на расстоянии по-прежнему его любить. С детства Валери не боялась мужчин; граф сумел оградил девочку от созерцания любых проявлений жестокого обращения, как с другими людьми, так и с животными, и даже с неодушевленными предметами. Можно было сказать, что Валери росла в закрытом искусственном мире, особенно принимая во внимание свирепый образ жизни самого де Розена. По причинам, не известным даже ему самому, Франсуа постепенно сильно привязался к дочери. Правда, справедливости ради надо повторить, что привязанность возникла только через семь лет после ее появления на свет, но уж лучше поздно, чем вовсе ничего. До достижения данного возраста Валери получила от своих наставниц все подобающее воспитание. О настоящих причинах доброго отношения де Розена к дочери можно только гадать: то ли призраки прошлого не так сильно его беспокоили в присутствии Валери, то ли она кого-то ему напоминала, а быть может не было вовсе никакой причины; просто она делала мир вокруг себя немного более привлекательным. Ведь умеют же и самые черствые среди нас радоваться весеннему солнцу или радуге после дождя. Словом, кто его знает. Ничуть не оробев перед взрослым Кристианом, Валери сходу разглядела в нем черты, порой не известные даже ему самому: доброту, заботу, находчивость ума, сознание ответственности за свои деяния – качества присущие, к сожалению, не всем рыцарям, исключая конечно тех славных мужей, воспетых в древних легендах. Девушка, полагаясь на интуицию, слушая свои чувства, ведомая на расстоянии своей матерью, она (как и та в свое время) преданно полюбила. Ответив Кристиану взаимностью, Валери замкнула круг: от матери она переняла опыт и пронесла его через собственное сердце, становясь женщиной. Но окрыленная своими порывами, она не знала, что сердце Матильды Лярош безжалостно разбито. Она полюбила Кристиана, а остальное было не важно.

Сегодня, во время праздничного пира, в окружении мужчин и единственной женщины в лице ее будущей свекрови, Валери действительно была украшением общества. Каштанового цвета пышные волосы, распавшаяся на прямой пробор, лежали густыми каскадами и, словно изысканный орнамент, окружали ее лоб, овал лица, струились на плечи. Если какому-нибудь зачарованному гостю удавалось на миг перехватить ее взгляд, на этого счастливица смотрели большие серые глаза, глубокие как предрассветные сумерки. Оторваться от них было уже невозможно, но приличия требовали свое; отведя взор, зачарованный гость ждал удобного момента, чтобы украдкой снова посмотреть на Валери. Особенными чертами, несмотря на нежность молодости, были ее любознательность и ум. Они отражались во всем: как она смотрит, слушает, говорит, и производили на окружающих незабываемое впечатление. Эти качества были ее очарованием, Валери была умной девушкой. Не мудрено, что ее магия действовала и на Доминика, ведь он годился на роль зачарованного гостя и за столом сидел напротив Валери. И так же украдкой Доминик разглядел изогнутые дуги бровей, тонкий нос, алые губы. На лице у Валери играл нежный румянец, кожа рук и плеч была смуглой и загорелой. Одета в белое парчовое платье, отделанное вышивкой и серебром, высокая, с гордой осанкой и длиной талией, Валери была похожа на принцессу из волшебного королевства. Гофрированный лиф

подчеркивал ее идеальную фигуру, рукава расширялись от локтей, а длинную юбку украшали разрезы по бокам. Поверх широкой ленты ее талию украшал плетеный шелковый пояс, сложно и искусно завязанный. За столом она бросала взгляды на Кристиана, он – на нее, оба улыбались, отводили глаза, потом заново все повторялось, и этой игре не было конца. Валери никого здесь больше и не замечала.

А пир протекал своим чередом. Подавали десерт: конфеты из фруктового мармелада, пряники и пирожки со сладкой начинкой. Менестрель запел балладу о любви. Ритмичные музыкальные фразы уступали место нежной мелодии. От одного куплета к другому разговор за столом постепенно затихал, и вскоре все общество подчинилось власти музыки; все важное уже было сказано, а песня вырвалась за границы земных тем, летела в пространство. Каждому она напомнила свое; одним стало грустно, другим весело, но всем – хорошо...

Весенней порою, ты помнишь, Мария,
День, когда мы повстречались впервые?
Прошлое, нашим сердцам дорогое,
Как я тогда любовался тобою.
В гордых глазах пляска огня.
Вижу улыбку твою.
С тех пор и поныне люблю тебя,
Единственную мою...
Родителям я не понравился сразу,
И от отца натерпелся отказа;
Мало земли у меня, нету денег,
И не красавец, мол, хоть не бездельник.
Я стану бороться, ты будешь моя,
И бога об этом молю.
Преградам назло, я люблю тебя,
Сильнее чем прежде люблю!
В битве я за Короля и за веру
Теперь на войне. Здесь я стану примером
Мужества, меч, прославляя булатный,
Я завоюю трофеи и злата.
Голову мертвого друга держу,
Слезы роняю, скорбя,
Но знай, что живу и знай, что держусь,
Потому что люблю тебя.
Удача – птица, но знаешь, Мари,
Когда на душе горячо,
В ответ на любовь она прилетит
И сядет к тебе на плечо.
Так улыбнись, накрывай на стол,
Друзей и гостей встречай.
Не один уж десяток лет прошел,
Пройдет и эта печаль...
Ты мне нужна без остатка вся,
Как паруса кораблю.
Ведь я, как прежде, люблю тебя,
Еще сильнее люблю...

Глава VIII. Турнир

Гаспар, Доминик и Анри гостили в анжуйском замке уже четвертый день. Общество, в котором проводили время наши герои, по своему составу было неизменным. На следующий день после приезда гостей вся компания отправилась осматривать Анжу и его окрестности, а также наблюдать подготовку к турниру. Когда время перевалило за полдень, Бернар любезно пригласил всех участников прогулки посетить его городской дом. Там было решено остановиться на ночлег. Погода стояла превосходная, летняя пора в самом разгаре. В этот второй анжуйский вечер пир в усадьбе де Диона отличался от трапезы в его замке разве что только большим количеством жонглеров, поэтов, менестрелей и прочих артистов. Бернар действительно готовил праздники заранее и с размахом. На третий день все вернулись обратно в замок, и там же вечером Бернар прямо с наружной крепостной стены под звуки труб герольдов торжественно объявил о начале рыцарского турнира. Он был запланирован на ближайшие два дня. В первый вечер прошли состязания между рыцарями из провинции Фландрии и их французскими соперниками из Анжу, причем все представители анжуйского лагеря, на самом деле, явились неизвестно откуда, – эти рыцари просто примкнули к нему накануне ристалища. Они, подобно нашим героям, прибыли сюда издалека в поисках славы, подвигов и денег, только, в отличие от Гаспара и Доминика, были среди них и совсем небогатые смельчаки. В турнире участвовало по четыре рыцаря от каждого отряда и, с незначительным перевесом, к неудовольствию и разочарованию Бернара, победа досталась Фландрии. Однако де Дион планировал решительно взять реванш на завтра: в качестве сюрприза для Гаспара Грекко он подготовил главное состязание между тремя рыцарями из Анжу, с одной стороны, и воинами от графства Пуату с другой. В анжуйскую “тройку” теперь входили вассалы Бернара, вышеупомянутые нами рыцари: Ричард Керрон и Жан Колестан, а главной надеждой и гордостью организатора был, разумеется, его сын Кристиан. Что касается представителей от Пуату, как было и накануне, в отряд вступили три рыцаря, каждый из которых с готовностью заявил, что он именно из этих мест. Их звали Жильбер Мессель и Клод Дамбре, а третий участник поединка вообще назвал себя до поры Серым рыцарем. Видимо этот господин решил открыть свое настоящее имя только после безоговорочной победы над соперниками и никак иначе. Весь состав предстоящего турнира был накануне вечером торжественно объявлен герольдами. Полагаем нет смысла особо объяснять, почему в играх не принимали участия главные герои нашей истории. Просто напомним, что устав святого ордена не позволял этого Гаспару, то же самое делал преклонный возраст Анри, а Доминик вообще не был рыцарем.

И вот день настал. Главные участники турнира (как, впрочем, и сторонние его участники – зрители) встретили его восторженно, несмотря на погоду. А погода и впрямь перестала баловать: ранним утром с западной стороны налетел сухой ветер, пригнал за собою серые облака, и последние заслонили от глаз ласковое июньское солнце, заволокли небо. Впрочем, дождя не было. Турнир проходил прямо в чистом поле у подножия замка. Это было довольно большое открытое пространство; на востоке оно граничило с дубовой рощей, куда в любой момент мог переместиться театр военных действий, с засадами, маневрами и даже с вероломством. Мы говорим здесь “военных”, поскольку игра почти ничем не отличалась от настоящей войны, и оружие было настоящим. Пространство для ристалища никак огорожено не было, кроме огромной толпы народа по его периметру с двух сторон. Людскую массу строго ограничивали лучники и солдаты, не давая ей напирать. Третьей и четвертой сторонами прямоугольной площади являлись сам замок и упомянутая дубовая роща соответственно. Бернар, все его приближенные, а также почетные гости разместились прямо на валу наружной оборонительной стены. Взорам открывался превосходный вид на будущее поле боя, и здесь каждый зритель чувствовал себя главным полководцем генерального сражения. На специально сколоченном

деревянном настиле были установлены кресла и скамьи. Над постройкой, по всей ее длине раскинули большой синий шатер для защиты от солнца или дождя; теперь его ткань трепал и атаковал ветер, словно в нетерпении подгоняя всех, скорее уже начинать турнир. Гаспар подошел к креслу Валери, с поклоном обратился к ней:

– Любезная Валери... Я, признаюсь, замечаю чужое волнение; вы уже целую вечность, точнее, с тех пор как мы сюда поднялись, держите прямую осанку и не даёте своей спине опереться на кресло. А руки у вас, напротив, не могут места найти. Пожалуйста, дорогая, не волнуйтесь так. Турниры стали повседневным делом. Поверьте, его участники не испытывают друг к другу ненависти.

– Вы правы. Я всегда нервничаю перед этой встречной атакой на копьях, – она еле заметно улыбнулась Гаспару. Замечание Валери его удивило.

– Вы раньше бывали на турнирах?

– На таком как этот – впервые. Отец часто устраивает состязания во дворе нашей усадьбы. Он сам принимает в них участие. Признаюсь, я там много раз наблюдала турниры и, последнее время, уже не украдкой. Все это азартные игры. К нам съезжаются гости и проигрывают вот таким образом много денег моему отцу. Он сильный рыцарь. Что же делать? Землевладельцы богатеют, но стоит признать, нынче и затраты у них немалые. Посмотрите, хотя бы, на этот турнир...

– Валери. Всю свою жизнь я был достаточно высокого мнения о женщинах, но своим умом и силою убеждения вы определенно заставляете меня изменить точку зрения. Теперь я ими восхищаюсь... – Гаспар еще раз поклонился.

– Однако, господин Грекко, не будут ли ваши слова о женщинах излишне смелыми для святого ордена Калатравы?

– Они чрезвычайно смелы, Валери, потому что я уже давно ничего не боюсь. Я даже не робею бравировать этим перед вами. Причина моей бесконечной храбрости в том, что я старый; все самое страшное в моей жизни уже давно случилось, ну или почти все, и теперь я определенно больше не боюсь. Да, старый, но может статься, только кажусь себе таким. Так или иначе, к нам сейчас направляется сама молодость и, повинувшись законам природы, я со смирением уступаю ей место. – Гаспар поклонился в третий раз, теперь уже Кристиану и с улыбкой отправился к своему креслу.

Кристиан поднялся сюда перед состязанием, чтобы навестить Валери. Он уже успел заскучать в одиночестве. Нам до сих пор не довелось описать его внешность. Сейчас самое время это сделать потому, что Кристиан вошел на бастион в рыцарском облачении, а не каждому мужчине оно было так к лицу. Если Доминик запоминался людям благодаря своей мужественности и простому человеческому обаянию, про Кристиана можно было сказать все то же самое, только этого мало. Он был красив, могуч, высокого роста, при том абсолютно пропорционального телосложения. Всегда стремительный, порывистый, словно на пружинах; его движения были точные, законченные, напоминали силу и грацию дикого животного. При этом он не был нарциссом и никогда не рисовался перед другими людьми внешностью и фигурой – Кристиан получил хорошее воспитание, – он просто был таким, каким был. Излишне здесь говорить, что они с Валери представляли собой прекрасную пару.

Камзол синего цвета, надетый поверх длинной до колен кольчуги, был украшен геральдическим символом Дионов: лев, стоя на задних лапах, атаковал извергающего пламя дракона. Руки – в кольчужных перчатках без пальцев. На голове капюшон; он служил подкладкой под шлем, оставляя открытым только лицо рыцаря. Меч с костяной рукоятью висел у него на поясе. Лицо походило скорее на восточный тип: большие черные глаза, тонкие брови того же цвета и, хотя его нос был прямой, в профиль Кристиан все-равно чем-то неуловимо напоминал птицу. Черты лица были крупными и выразительными. Кристиан брил усы и бороду, носил длинные волосы, спрятанные сейчас под капюшоном. Он был радостно возбужден, но вместе с

тем преисполнен достоинства. Поддерживая на согнутой руке шлем, он стремительно подошел к креслу Валери, притом с такой легкостью, словно на нем не было оружия и кольчуги. Она поднялась ему навстречу.

– Благородный рыцарь! Пусть вам сопутствует удача во славу этого дома и во имя процветания нашего графства. А для себя прошу лишь одного: будьте осторожны, и да поможет вам бог.

– Благодаря вам, мой ангел, удача не изменит. Так пусть же скорее настанет славный миг – коронация королевы турнира. Воистину, здесь сегодня нет соперницы, способной затмить своим блеском вашу красоту, любовь моя.

– Я буду ждать этой чести, мой друг, и обещаю за вас молиться.

Кристиан взял ее руки и прижал к своему сердцу. Потом он два раза кивнул, улыбнулся и направился вниз, так же стремительно, как и возник на смотровой площадке. Бернар хотел сейчас подойти к сыну, чтобы перед состязанием дать ему пару напутственных советов и от себя пожелать удачи, но, бог свидетель, он просто не успел этого сделать. В итоге отец, молча, махнул рукой, потому что привык...

Герольды внизу прокричали несколько раз, что никто из оруженосцев, ни при каких обстоятельствах, не вступит в бой на стороне своего рыцаря, дабы этим вмешательством не ввергнуть последнего в бесчестие и позор. Также было объявлено, что оруженосцам запрещено вступать в сражение друг с другом, ибо каждый из них обязан, при первой необходимости, предоставлять своему рыцарю резервного коня и любое оружие. Смертельные поединки запрещены, за исключением смерти от несчастий и роковых случайностей, и на то есть воля божья. Так пожелали рыцари – участники турнира, – и таким правилам быть!

Доминик сидел рядом с Гаспаром, Он крутил головой и все время вытягивал шею, стараясь ничего не пропустить из предстоящего зрелища; он впервые смотрел турнир и, стало быть, впервые присутствовал среди почетных гостей. Юноша заметил, что рыцари пренебрегли серьезными знаками отличия одного лагеря от другого. Кристиан украсил свой шлем под цвет камзола синим пером, и такими же перьями отметились оба других анжуйских рыцаря. Так называемые представители Пуату вообще отказались от командных символов; в них не было необходимости, поскольку все рыцари принимающей стороны хорошо знали друг друга, и любая возможность недоразумений была здесь исключена. Все участники носили свои личные геральдические знаки на щитах и одежде, а таинственный Серый рыцарь подтвердил свое прозвище соответствующего цвета камзолом. Каждый анжуйский оруженосец держал в поводу еще двух запасных лошадей, причем одну готовую налегке, а вторую с целым арсеналом оружия. У оруженосцев противника благосостояние оказалось скромнее: у Серого рыцаря и Жильбера Месселя было в резерве по одной лошади, а вот у Клода Дамбре и того меньше, – его оруженосец аккуратно разложил доспехи прямо на земле. Несмотря на это, никто не был против участия Дамбре сегодня в турнире.

Кристиан спустился на турнирное поле. Рыцари сели на коней и разъехались к противоположным границам ристалища. Таким образом, каждый оказался напротив своего соперника. В конной атаке с копьем Клоду Дамбре – рыцарю с одной лошадейю – выпал жребий стать противником Кристиана. На поле вынесли длинные копья, изготовленные из крепкой яблоневой древесины. Каждый оруженосец помог своему рыцарю закрепить копьё на поясе специальным упором. Почти на уровне острия наконечников на этих копьях были установлены плоские железные диски; они не давали возможности пронзить противника. Известно, что прямой удар в одну лошадиную силу, нанесенный открытым боевым копьем – смертелен.

Объявили поименно всех участников. Рыцари проверили надежность перекинутых от щитов ремней, – щиты закрывали грудь с левой стороны, – каждый надел шлем. Кристиан отпустил поводья и перехватил подальше свободную левой рукою древко копья, впереди правой, удерживая его теперь, для верности, двумя руками. Это был прием, который он уже не раз

использовал. Герольды протрубили призыв к атаке. Над толпой, которая непрерывно гудела, внезапно опустилась тишина. Взвился вверх флажок на длинном древке и через секунду упал к земле, – сигнал старта.

Два столба пыли закружились и полетели вверх, ошестинившись длинными копьями. Лошади рванули с места. С каждой секундой бешено ускоряясь, вытянув вперед морды и с грохотом молотя землю, они ураганом понесли всадников друг на друга.

Глава IX. “...Храни тебя святой покровитель”

Встречный удар шести копий, рыцарей и лошадей разорвал тишину над поляной раскатом железного грома. Толпа разом возбужденно завопила, этот шум смешался с криками на ристалище. Герольды и оруженосцы заметались в центре. Бернар со своего места тщетно пытался разглядеть исход атаки. Валери вытянула шею и от волнения впиалась пальцами изо всех сил в подлокотники кресла. На турнире творилась свалка.

Тому были причины. Кристиан и Клод Дамбре преломили копьё в крайнем ряду. Во время атаки, удерживая копьё горизонтально чуть влево и наклонившись туда же корпусом, Кристиан отразил щитом скользящий встречный выпад Клода. Одновременно он поразил противника мощным прямым ударом копьё в грудь, на счастье тоже закрытую щитом. Копьё Кристиана сломалось, и под натиском атаки Дамбре щит у него тоже разлетелся на куски. Все оружие и снаряжение Клода уцелело, а сам он, выронив копьё и запрокинув голову назад, полетел с лошади в том же направлении. Кристиан остался в седле.

В противоположном крайнем ряду Серый рыцарь победил в атаке на копьях Ричарда Керрона. Сломав копьё при сильном встречном ударе, оба противника удержались в седлах; но когда Серый рыцарь развернул своего коня, обнажил меч и вызвал Керрона на поединок, последний, будучи не в силах после полученного удара продолжать бой, завалился на шею лошади и более подняться не смог. Руки Ричарда повисли как плети, он сдался на милость противника, и теперь Керрону предстояло платить выкуп, – по правилам турнира он был пленен Серым рыцарем со всем снаряжением и лошадьми.

В среднем ряду атаки Жан Колестан длинным копьём поразил лошадь Жильбера Месселя ударом в шею. От полученной рваной раны лошадь поднялась на дыбы и, потеряв равновесие, упала на спину, увлекая за собой седока. Не успев вынуть ногу из стремени, Мессель оказался в ловушке, придавленный к земле. Его оруженосцу и герольдам удалось вытащить рыцаря; Жильбера унесли на носилках, и в скором времени было установлено, что его левая нога сломана. Конь истек кровью и пал на месте.

Нам следует уточнить, что три вышеописанных поединка произошли одновременно, дабы читатель смог представить, насколько непросто было зрителям разом все увидеть и оценить. Герольды, как сумасшедшие, бегали по поляне в трех направлениях и во все горло орали народу о происходящем на ристалище. Гаспар по ходу пояснил Доминику, что на войне прием Колестана с поражением коня противника имеет весьма широкое применение. Перевес в первом этапе турнира был за анжуйскими рыцарями, они и стали причиной свалки.

Возник короткий перерыв, необходимый соперникам, чтобы разобраться в расстановке сил. Покамест плененного Ричарда Керрона передавали оруженосцу Серого рыцаря, лекари оказывали помощь Месселю, а герольды волокли с поля убитого коня и засыпали песком кровь, участники сражений распределили дальнейшие поединки.

Клод Дамбре, поверженный Кристианом и тоже чуть не угодивший под несчастную лошадь, на поверку оказался стойким противником. Крайне раздосадованный своим падением на встречной атаке, он заявил готовность возобновить поединок. Оружие они с Кристианом выбрали традиционное – мечи и щиты, и бой решили провести пешими. Настроенный на победу и завоевание трофеев во что бы то ни стало, Клод Дамбре потерпел досадное поражение в начале турнира. Сам этот факт приводил его в бешенство. Мы упоминали, что Клод был небогат, однако стоимость полного рыцарского вооружения, причем любого, была очень высока. Этот рыцарь обладал им, и ни у кого не повернулся бы язык назвать его арсенал бедностью. Тем не менее, он чувствовал себя глубоко уязвленным.

Что касается Кристиана, за короткий эпизод турнира он успел показать на деле свои лучшие качества: собранность, мастерство владения оружием, физическую мощь, способность

контролировать как свои действия, так и действия противника, рыцарское достоинство и даже скромность. Создавалось впечатление, что ему все здесь дается легко, однако скрывать за семью печатями волнение и внутреннюю борьбу было непросто. Для этого ему требовалось еще одно качество – мужество. Наблюдая эту удивительную внутреннюю дисциплину, Валери, которая поначалу от переживаний не находила себе места, постепенно стала успокаиваться. Она увидела собственными глазами, что с ее будущим супругом все будет в порядке.

Пошел мелкий дождь, но людской толпе, возбужденной зрелищем, он был не помеха. Где-то далеко на восточной стороне прогремел гром. В воздухе было душно. Итак: Жану Колестану на сей раз предстояло померяться силами с Серым рыцарем. Оба противника на лошадях, в полном вооружении вновь заняли позиции для встречной атаки. Лошади от нетерпения мотали гривами, гарцевали, стучали копытами по траве. Поодаль, на расстоянии тридцати шагов от всадников Кристиан Дион и Клод Дамбре готовились к бою на мечах. По численности соперников силы двух отрядов пока были равные. Бернар со своего места подал рукою сигнал, и герольды объявили начало поединков.

Лошади понеслись в галоп. Оба рыцаря отразили удары щитами, оба удержались в седлах и бросили копья наземь. От испуга лошадь Серого рыцаря встала на дыбы; когда ее передние ноги коснулись земли, он нанес удар мечом сверху. Колестан закрылся щитом, развернул коня и, отыграв этим маневром время, достал свой меч из ножен. Серый рыцарь вновь атаковал, противники скрестили клинки. Лошади шарахались друг от друга, рыцари поводьями разворачивали их обратно, сходились в ближнем бою и наносили удары. Со стороны это напоминало какой-то дьявольский танец; его участники по очереди то рвались вперед, то отступали назад, дергались, подпрыгивали, поднимались, опускались, в азарте кричали. В этом поединке не наблюдался перевес кого-либо; казалось, что силы противников равные. От дождя намочла земля, и лошади размесили копытами целые борозды, временами опасно скользя. Постепенно перемещаясь с таких ненадежных мест, рыцари все ближе теснились в сторону дубовой рощи. Через короткое время их кони уже ступили под сень деревьев, и поединок скрылся из поля зрения толпы. Оруженосцы поскакали вслед за своими сеньорами.

Зрители были возбуждены, потому что перед ними происходило не менее интересное действие – схватка Кристиана и Клода Дамбре. Противники были приблизительно одного роста. Их оружие – мечи в три фута длиной (примерно один метр) подходили для любых ударов: колющих, рубящих. Деревянные обтянутые кожей щиты, сравнительно небольшие по размеру (не защищали колен), давали рыцарям возможность свободно передвигаться. Клод сейчас захватил инициативу и яростно наступал, предпочитая атаку в несколько ударов одиночным выпадам. Он наседали, горячился. Кристиан, закрыв щитом левую сторону тела, стоял к противнику боком, не отступал ни на шаг и отражал удары. Он оставался до поры спокойным, контролировал дыхание, не напрягал постоянно мышцы. Кристиан использовал свой опыт и внимательно наблюдал тактику Дамбре, его сильные и слабые стороны. Он уже заметил, что противник в пылу азарта не держит локти согнутыми ближе к телу, а, напротив, подвергая себя опасности, сильно выставляет руки вперед; совершает ненужные движения, прыжки, понапрасну расходуя силы; скрещивает ноги, рискуя потерять равновесие. Кроме этих ошибок Кристиан увидел, что неумная жажда победы и злость от первого поражения словно питают Дамбре силой. Чем круче он парировал и отводил меч противника, тем мощнее становились удары Клода. Кристиан оценил соперника и понял, что, если он разом не собьет боевой кураж Дамбре, поединок может затянуться. Сделать это по-быстрому было не просто, но Кристиан доверился интуиции. Он бегло прикинул, какие приемы должно сейчас применить, мысли молнией пронеслись в голове, и рыцарь перешел к действиям. Очередной верхний выпад Клода он резко парировал к земле плоской стороной меча. В тот момент, когда Дамбре, низко опустив руки, опасно открылся для соперника, Кристиан с бокового размаха мечом плашмя нанес ему сильный удар в грудь. Это был болевой прием. От неожиданности и мощи полученного

удара Дамбре чуть не завалился назад, но устоял, попятившись на три шага. Толпа зашумела от возбуждения, наблюдая долгожданные перемены в тактике Кристиана. Дамбре начал вновь наступать и опять открылся, получив второй сильный удар по корпусу и один по ногам. Клод чем дальше, тем больше терял контроль. Было ясно, что приемы противника он испытывает на себе впервые. Болезненные, но безопасные для жизни удары один за другим достигали своей цели, ранив в кровь честолюбие и гордость Дамбре. Клод понял, что противник специально не метит ему в голову и в лицо, и от этих проявлений благородства только еще сильнее бесился. От боли в груди, а паче от обиды и унижения Дамбре закипел неудержимой яростью. Закрыв грудь щитом, почти с разбега он колющим выпадом атаковал противника, подавшись вперед всем телом. Кристиан, не отрывая правой ноги от земли, сделал пол оборота корпусом, пропустил рыцаря мимо себя и, вдогонку, нанес ему очередной размашистый удар плашмя, теперь под лопатки. В том, что произошло дальше, был повинен уже только сам Дамбре, точнее его неосмотрительность. Получив дополнительное ускорение в спину и запутавшись в собственных ногах, он стремительно принял горизонтальное положение и пропахал своим телом добрых пять футов земли. Шлем его упал с головы и откатился в сторону. Дружный издевательский смех зрителей изрядно добавил Клоду горечи и стыда. Кристиан не двинулся с места, ни на шаг не приблизился к сопернику, ожидая, что будет дальше. Дамбре поднялся на ноги, подобрал шлем. Тоска и смертельная усталость внезапно навалились на него тяжким грузом, – сказывалась беспечная растрата сил в начале схватки. Клод стал падать духом. От приступа досады, собственного бессилия и страха публичного позора он глотал подступавшие к горлу слезы, чувствовал, как руки начинают предательски дрожать. Судорожно сжав кулаки и тяжело дыша, Клод справился с волнением, принял боевую стойку и, медленно двигаясь по кругу, стал осторожно подбираться к противнику, готовясь снова нападать. Кристиан не дал ему этого сделать, потому что атаковал сам. Убедившись, что Клод Дамбре на деле не представляет для него угрозы, он не хотел превращать честный поединок в публичное избивание. Кристиан не имел личных претензий к своему сопернику и посему решил закончить бой. Три выпада подряд Клод отбил щитом и мечом, но четвертый мощный удар ребром клинка выбил оружие из его ослабевшей руки. Кристиан приставил острие меча к груди рыцаря. Дамбре был уже окончательно измотан поединком, а пуще самим собой. Победитель вернул меч в ножны, снял шлем и вытер пот со лба. Кристиан обратился к противнику:

– Рыцарь Клод Дамбре! В атаке на копьях и в бою на мечах ты храбро сражался и проявил доблесть. Я не требую от тебя выкупа. Ступай с миром, и да храни тебя святой покровитель.

Ответив лишь коротким кивком головы, но почтительно и с достоинством, побежденный рыцарь покинул поле боя. После всего пережитого он никак не ожидал для себя столь благополучного исхода дела.

Глава X. Вероломство

Добрая воля победителя вызвала овацию толпы. Обратя взор в сторону замка и увидев наверху Валери, Кристиан, в знак приветствия будущей невесте, отцу и почетным гостям, сел на коня и заставил его гарцевать по ристалищу, словно кружась в медленном танце. Благодарная толпа зашумела с утроенной силой. Довольный, что все его надежды на сына сейчас сбываются, Бернар встал со своего почетного места, подошел к краю бастиона и оттуда, в знак приветствия и благодарности, помахал ему рукой, а заодно и всем зрителям турнира. Эта торжественная минута длилась намного дольше. Слуги подносили вино, гости пили за славу доблестных рыцарей и отвагу благородного Кристиана. Подняли чаши и за победу анжуйцев.

Однако праздновать триумф анжуйского лагеря было пока рановато. До сих пор Кристиан оставался в неведении: был ли их поединок с Дамбре последним на турнире, или ему предстояло и дальше отстаивать честь графства. Это зависело от успеха или поражения Колестана; все находились в волнительном ожидании, но всадники до сих пор не появлялись. Кристиан подошел к оруженосцу, потом осмотрел сбрую у лошади, проверил, прочно ли затянуто седло. Он отдыхал. Наступали сумерки. Дождь прекратился, но небо по-прежнему скрывалось за облаками, а вместе с ним звезды и закат солнца. Природа будто спрятала свою красоту от людей, и только вечерняя прохлада освежала и успокаивала землю после длинного дня. Герольды вынесли на ристалище чаши с горящим маслом и установили их по всему периметру поля. Тени от них прыгали и плясали подобно самому огню. Вышли жонглеры чтобы скрасить своим искусством томительное ожидание. Пришли музыканты. Наконец на границе леса показались четыре всадника. Они быстро приближались. В авангарде двигались Колестан с Серым рыцарем, сзади оруженосцы. Разглядев как следует рыцарей, Кристиан понял, что, к сожалению, ему рано снимать кольчугу. Жан Колестан без шлема, бледный как смерть, скакал, зажимая рукой левое плечо. Щит он утратил, и левая рука, которой Жан якобы держал поводья, висела плетью. Стало ясно, что Серый рыцарь – единственный участник турнира, завоевавший трофеи и богатства, – теперь одержал победу над двумя противниками и обоих пленил. Пока герольды оглашали эти известия, Кристиан сел на коня, подъехал к Серому рыцарю, и они обсудили предстоящий поединок. На правах хозяина турнира он любезно предложил противнику для начала немного передохнуть после боя, а также право самому выбрать оружие. От первого предложения Серый рыцарь отказался, а на второе выбрал боевые топоры и щиты. Оба его ответа удивили Кристиана, особенно выбор оружия, но он без промедления дал свое согласие, дабы не вступать в излишние разговоры. Его удивило, что для третьего этапа поединков, когда любой их участник уже чувствует усталость, его противник выбрал тяжелое оружие – боевой топор и окованный железом щит. Рыцари надели стальные наколенники. Оруженосцы вынесли топоры с длинными древками и высокие щиты. Противник был ростом ниже Кристиана, коренастый, широкий в плечах. Шлем с опущенным забралом полностью закрывал его лицо.

Бой начался. Словно повторяя завязку схватки с Дамбре, противник занес топор первым. Закрывшись щитом, Кристиан оценил внушительную силу Серого рыцаря и, в свою очередь, нанес ответный удар. За щитами, которые сейчас крепко удерживали в руках соперники, мог укрыться один человек практически целиком. Шум и грохочущий лязг первого удара топора о железо разом установили тишину в толпе зрителей. То, что сейчас происходило у них на глазах, было уже не фехтование на мечах; исход поединка теперь зависел от силы рук и ног соперников, от их выносливости, хладнокровия, твердости духа. Закрываясь щитами и ни на шаг не отступая назад, они по очереди обрушивали друг на друга страшные удары, проверяя на прочность как самого противника, так и оружие. Под впечатлением от развернувшегося перед ними боя лица у зрителей на бастионе стали серьезными и суровыми; даже у самых веселых

гостей хмель вылетел из головы. Казалось, что поединок, который вот только сейчас начался у них на глазах, длится бесконечно давно. Рыцари по-прежнему продолжали яростно обмениваться тяжелыми ударами; до сих пор их движения и тактика оставались без изменений. Кристиан на себе испытывал всю мощь противника; отбросив мысли, он бился с ним по наитию, одним чутьем. Широко расставив сильные ноги, точно уперевшись ими в землю, он скалой стоял перед Серым рыцарем, не уступая тому ни единого лишнего удара. Так оно и шло.

С целью сберечь силы Кристиан стал использовать один прием: в тот момент, когда занесенный топор Серого рыцаря обрушивался на противника, он плавным движением чуть отводил щит на себя. Этим маневром Кристиан словно гасил силу его удара, порой почти сводя ее на нет, и сберегал собственный щит от разрушения. Топор, отбитый таким образом, терял свою первичную мощь и поражал его защиту как бы вскользь. Но теперь и соперник Кристиана стал менять тактику. Встречая очередной боковой удар анжуйского рыцаря, он не подставил щит, а в последний момент пригнул голову. Кристиан со всей силы рассек топором воздух, оружие впервые дрогнуло в его руке, а сам он опасно отклонился в сторону, сохраняя равновесие. Зрители вокруг одобрительно закричали, приветствуя Серого рыцаря. Применив такой прием, он сознательно подвергал себя риску, что было очень почетно в бою, но вовсе не принято на праздничных турнирах. Противостояние между Серым рыцарем и Кристианом не являлось смертельным поединком, и поэтому рискованный прием первого вызвал настоящий восторг в толпе. Кроме того, этим трюком он показал свое мастерство в бою на топорах. Кристиан понял, что пережил опасный момент, но готовый ко всяким неожиданностям, только сильнее сосредоточился на противнике.

А между тем поединок затягивался. Серый рыцарь упорно продолжал создавать Кристиану опасные ситуации одну за другой. Снова идя на риск, он дважды, встречая верхние разящие удары, делал пол оборота в сторону и отходил. И опять Кристиан рассекал воздух, разрубив под ногами землю, но теперь он рисковал много больше противника. Спасали рыцаря его крепкие сильные ноги, и Кристиан вновь сохранял равновесие. Было ясно, что, если он упадет, Серый рыцарь более не позволит ему подняться, и на этом бой будет окончен, а упасть стало не мудрено. Оба рыцаря уже обливались потом, их дыхания становились шумными и глубокими. Кристиан чувствовал, как на него неотвратимо наваливается усталость, отбирая силу, затрудняя дыхание, ограничивая возможности. Сказывался третий этап турнира и, безусловно, мощь его противника. Оставалось лишь надеяться, что соперник тоже был утомлен. Толпа чем дальше, тем сильнее и все более открыто сопереживала Серому рыцарю, ободряла его и поддерживала. Рискованная тактика боя словно опьяняла народ; ее принимали за храбрость в чистом виде, за бесшабашную ратную браваду – за долгожданное зрелище. И только зрители на бастии замка не разделяли общих восторгов. Уже не в силах усидеть на месте, они все стояли рядом у края крепостной стены и, подобно ей, окаменев, следили за ходом схватки.

В дрожащем свете масляных факелов продолжался поединок двух рыцарей, а за границами ристалища, куда свет огня уже не проникал, опустилась ночная тьма. Кристиан чувствовал, как его правая рука начинает неметь. Дышать становилось все труднее. Паузы между атаками теперь длились дольше, но именно сейчас противник Кристиана решился на последний, отчаянный штурм. Необъяснимая уже никому, неиссякаемая сила Серого рыцаря, будто из потайного резерва, начала еще возрастать с каждым ударом. Словно отлитый из железа, он пошел крушить противника, яростно работая топором, как мельница жерновами. Выбрав момент, он всей своей мощью ударил щитом о щит Кристиана так, что тот чудом устоял на ногах. Эта последняя невероятная атака стала рубежом для Серого рыцаря, – его соперник начал отступать. Плечо, к которому Кристиан прижимал щит, уже нестерпимо болело; онемевшая рука отказывалась поднимать топор, а хрипкое дыхание обжигало изнутри грудь. Он медленно продвигался назад, закрываясь от ударов, которые после начала отступления Серый рыцарь обрушивал реже, но все-равно с прежнею силой. Кристиан окончательно понял, что

проиграл этот бой, но он твердо знал, что и проигрывать сражение рыцарю должно с честью! Отступив еще на три шага, он отбросил щит в сторону. Противник замер на месте в ожидании. Кристиан выпустил топор из руки и снял с головы шлем. Он встал напротив своего соперника, никому не известного Серого рыцаря, и молча сдался на волю победителя. Герольды объявили итог.

Кристиан обернулся в сторону замка. Сердце его бешено стучало. На бастионе горели факелы. Рыцарь не испытывал разочарования; он так невыразимо устал, что теперь равнодушно отнесся к своему поражению, как будто его не было вовсе. Только доселе незнакомое ему чувство тревожного одиночества вдруг одолели тело и дух. Сознание, что все затраченные усилия теперь оказались напрасными, вызвало грустную улыбку. Кристиан с волнением всматривался в мелькавшие на башне силуэты, в надежде увидеть среди них Валери, но разглядеть ее он все никак не мог. Потом решил, что его любимая все-равно наверняка смотрит сейчас сверху, и от этой мысли сразу успокоился. Кристиан развел руками в направлении замка и опять улыбнулся, словно говоря всем: “Ну вот, смотрите, бывает и такое. Я проиграл...” Он по-прежнему не видел Валери. Не видел, как целое море людей подбрасывает вверх шапки, приветствуя своего нового героя; как сумасшедшие герольды носятся из стороны в сторону, занимаясь тем же самым; не видел, как победитель турнира – безмолвный загадочный Серый рыцарь – приблизился к нему на три шага и одним страшным ударом топора... разрубил его от шеи до груди!

...Тело Кристиана рухнуло на землю, заливая кровью траву и песок. Тысячи свидетелей убийства разом ахнули, оглушив площадь, а потом откуда-то сверху, с бастиона раздался отчаянный крик. Валери кричала от невыразимого ужаса, потому что там внизу, на турнирном поле она увидела страшную тень безжалостной смерти.

Глава XI. Кто и зачем?

Доминик видел, как убийца бегом пересек турнирную площадь, выхватил поводья из рук оруженосца и быстро запрыгнул в седло. Оружия при нем не было. В следующее мгновение всадник скрылся в направлении дубовой рощи, его стало не видно в кромешной тьме. Шум начался неимоверный, поглотив стук копыт лошади Серого рыцаря. Тут же за ним в погоню поскакал конный отряд из пяти человек. Его возглавил командир дозорной охраны, с ним трое солдат и Жан Колестан. Этому рыцарю уже успели оказать помощь, левая рука Колестана была перевязана, и он присоединился к отряду. Преследователи, вооруженные арбалетами и мечами, двинулись в сторону леса. Все это пронеслось перед глазами Доминика за считанные мгновения.

Зрители на бастионе бросились к Бернару и Валери. Нервы у девушки не выдержали, с ней случилась истерика. Потрясенный отец Кристиана стоял у края стены, впившись ладонями в ее камни, пристально смотрел вниз и не двигался с места. Казалось, Бернар не вполне понимает, что сейчас произошло; с ним сделался шок или помутнение рассудка, трудно было определить, что из двух. Вдруг, словно разом очнувшись, он бросился к лестнице и стал стремительно спускаться по ней вниз, рискуя каждый шаг оступиться. Теперь он рвался к Кристиану. Приближенные и рыцари, напуганные состоянием Бернара, побежали за ним. Покидая вместе со всеми смотровую площадку, Доминик машинально оглянулся в сторону Валери. Ее сейчас заботливо успокаивала супруга Бернара. Происходящее вокруг Доминика сильно походило на панику, но он успел про себя отметить, что Мария де Дион – женщина, которая только что потеряла собственного сына – держится, несмотря на это, удивительно мужественно и стойко. Она обнимала голову Валери, словно баюкала маленького ребенка, что-то горячо ей говорила. Де Розен стоял на коленях рядом с ними; состояние дочери напугало этого грубого человека намного больше, чем совершенное внизу злодеяние. Остался с женщинами и Анри де Регар; он немало повидал смертей на своем веку, но, невзирая на опыт, был убит горем от всего пережитого. Доминик в последний раз обернулся в их сторону, и вдвоем с Гаспаром они побежал вниз по крутым каменным ступеням. В какой-то момент в суматохе юноша потерял отца из виду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.